

РЭЙМОНД СТРАЙД

ДОЛГАЯ ДОРОГА НА МАУИ

18+

Рэймонд Страйд

Долгая дорога на Мауи

<https://litres.ru/74641549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Утро как утро: кофе, школьные ланчи, спор о том, с кем поедет сын. В 7:26 на все телефоны приходит оповещение о ракетном ударе, а через минуту в доме замолкает холодильник. Электроника выжжена импульсом, машины встали, радио молчит. Крупные города горят, а та помощь, которую обещали по телевизору, так и не приезжает.

Коул Харлоу привык решать быстро и редко признаёт ошибки. Его жена Дана записывает всё в жёлтый блокнот и первой понимает, что еды хватит на пять дней. Семнадцатилетний Тайлер всё знает «из видео», и вдруг выясняется, что знает он действительно много. Двенадцатилетняя Эмма читает книгу про Шеклтона и молчит о вспышке, которую увидела в окне за секунду до конца прежнего мира.

У них есть старый дизельный грузовик, дробовик на койотов и единственное место на земле, куда их позвали: ферма на склоне вулкана посреди Тихого океана.

Содержание

Глава 1. Завтрак	4
Глава 2. Первые часы	23
Глава 3. Второй и третий день	41
Глава 4. Магазин	60
Глава 5. Грузовик умирает	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Рэймонд Страйд

Долгая дорога на Мауи

Глава 1. Завтрак

Часы на микроволновке показывали 7:14, и Коул Харлоу допивал вторую чашку кофе.

Он стоял у окна над раковиной, как стоял почти каждое утро последние одиннадцать лет, с тех пор как они купили этот дом на десяти акрах между Фредериксбургом и Стоунуоллом. В низине за забором лежал туман. Он держался до половины девятого, потом солнце поднималось над холмами, и туман сползал к ручью, оставляя на траве мокрые полосы. За ручьем начинались персиковые сады Клемента, голые уже месяц: листья облетели, ветки торчали серыми метлами. Вдоль дороги стояли виргинские дубы, широкие, низкие, с кронами, похожими на брошенные на землю плащи. Октябрь в Хилл-Кантри был лучшим временем года, и Коул каждый год говорил себе, что надо бы взять неделю отпуска именно в октябре, и каждый год не брал.

Сегодня у него было три вызова. Холодильная камера в мексиканском ресторане на Мейн-стрит, где компрессор гудел так, что хозяин звонил ему уже дважды. Тепловой насос у миссис Альварес в Стоунуолле, восемьдесят один год, вдо-

ва, всегда кормила его пирогом и всегда пыталась заплатить больше, чем он называл. И новая система в строящемся доме для пары из Остина, которые купили участок с видом и теперь хотели, чтобы в каждой комнате была отдельная зона климата. Работы на весь день. Хорошего, понятного дня.

— Ты пьёшь вторую, — сказала Дана у него за спиной.

— Я пью первую.

— Ты пьёшь вторую. Я видела первую чашку в раковине.

Он повернулся. Дана стояла у кухонного острова над четырьмя бумажными пакетами и раскладывала по ним сэндвичи. Волосы собраны в хвост, на ней была синяя кофта с катышками на локтях, которую она носила в школу по вторникам и четвергам, потому что в эти дни у неё первым уроком шло рисование, а дети второго класса рисовали гуашью с таким усердием, словно им за это доплачивали. На холодильнике под магнитом в виде кактуса висел её список на неделю. Список был всегда. Коул однажды пошутил, что если она когда-нибудь уйдёт от него, то оставит на холодильнике список причин, и Дана сказала, что список уже есть, просто она хранит его в другом месте.

— Это была чашка Тайлера, — сказал он.

— Тайлер не пьёт кофе.

— Тайлер начал пить кофе. Ему семнадцать. Это возраст.

Дана протянула руку, взяла у него чашку, отпила и поставила рядом с пакетами. Сделала это не глядя, продолжая резать сэндвич по диагонали.

— Теперь это моя первая, — сказала она.

Коул посмотрел на чашку, потом на жену. Он до сих пор не понимал, почему она никогда не наливает себе собственную. Кофеварка стояла в метре от неё. Кофе в ней хватило бы на четверых.

— Там же полный кофейник.

— Из кофейника невкусно.

— Это один и тот же кофе.

— Из твоей чашки вкуснее, — сказала Дана и положила в пакет Эммы яблоко.

Тайлер сидел за столом над миской хлопьев и, судя по всему, спал. Глаза у него были открыты, ложка в руке, но молоко в миске не убывало уже минуты три. Волосы торчали с одной стороны вверх, с другой были примяты к голове, и на затылке образовался вихор, который смотрел в потолок.

— Сын, — сказал Коул. — У тебя что-то с головой.

Тайлер медленно поднял глаза.

— Это стиль.

— Это подушка.

— Подушка тоже стиль. — Тайлер опустил ложку в миску и наконец съел что-то. — Все так ходят.

— Все так ходят, — повторила Эмма, не поднимая головы от книги, тем голосом, каким дикторы в документальных фильмах говорят о редких животных. — Наблюдая за подростком в естественной среде, мы замечаем, что он пытается слиться со стаей.

— Заткнись.

— Тайлер, — сказала Дана.

— Она первая начала.

Эмма перевернула страницу. Ей было двенадцать, и она читала за столом всегда: за завтраком, за ужином, в машине, в очереди к стоматологу. Дана когда-то пыталась это запретить, потом сдалась, потом решила, что запрещать ребёнку читать — странный способ воспитания. Книга перед Эммой была толстая, библиотечная, в целлофановой обложке, с наклейкой «Фредериксбургская публичная библиотека» на корешке. Про экспедицию Шеклтона в Антарктиду. Эмма взяла её неделю назад и дошла примерно до середины, где корабль раздавило льдами и люди остались на льдине с тремя шлюпками и собаками. Коул знал это, потому что вчера за ужином она рассказывала им, сколько весил каждый ящик с провизией, а Тайлер сказал, что ему плевать, а Эмма сказала, что ему не может быть плевать, потому что это правда, а Тайлер сказал, что правда ему тоже плевать.

— Это про Шеклтона? — спросил Коул.

— Угу.

— Чем там кончается?

Эмма подняла на него глаза. Глаза у неё были материнские, серые, внимательные, и когда она так смотрела, Коулу всегда казалось, что его в чём-то подозревают.

— Пап. Не говори мне, чем кончается.

— Я не знаю, чем кончается.

— Все знают, чем кончается. Это история. Просто не говори.

— Они все выжили, — сказал Тайлер.

Эмма закрыла книгу, заложив палец между страниц, и посмотрела на брата. Тайлер ухмыльнулся в миску.

— Ты не знаешь, — сказала она.

— Знаю. Двадцать восемь человек. Все живые. Видео смотрел.

— Ты врешь.

— Не вру. Там ещё один чувак на маленькой лодке плыл через океан за помощью. Шеклтон сам. Восемьсот миль. Ты до этого ещё не дочитала.

Эмма открыла рот и закрыла. Потом снова открыла книгу на заложенной странице и уставилась в неё с таким лицом, что стало ясно: она будет читать дальше, и всё, что сказал Тайлер, для неё не существует.

— Тайлер, — сказала Дана, — тебе обязательно?

— Она сама спросила.

— Папа спросил, — сказала Эмма, не поднимая глаз.

— Я виноват, — сказал Коул. — Признаю. Я всё испортил.

Он долил себе кофе из кофейника и, чтобы не начинать спор заново, встал так, чтобы Дана до чашки не дотянулась. Дана заметила и улыбнулась углом рта.

В углу кухни на полке стоял телевизор. Небольшой, старый, переехал сюда из гостиной, когда они купили новый. По утрам он работал всегда, без звука или почти без зву-

ка: местный канал из Сан-Антонио, утреннее шоу, бегущая строка внизу. Коул не смотрел его, он его слушал, как слушают дождь. Погода. Пробки на десятом шоссе. Кто-то открыл новую пекарню в Нью-Браунфелсе. Ведущая, светловолосая женщина по имени Шерил Окампо, вела утро уже лет восемь, и Коул знал её голос лучше, чем голоса некоторых своих родственников. Шерил говорила, что в выходные с севера придёт холодный фронт, ночью до плюс шести, утром возможен туман в долинах.

— Туман у нас уже, — сказал Коул телевизору.

— Она в Сан-Антонио, — сказала Дана. — У них нет долин.

— У них есть долины.

— У них есть парковки.

Тайлер фыркнул в миску.

Дана закончила с пакетами, загнула верх каждого и подписала маркером: «Т», «Э», «Д», «К». Пакет Коула она подписывала, хотя он был единственным взрослым мужчиной в доме и перепутать его ланч с чьим-то ещё было невозможно. Он однажды спросил зачем. Она сказала: привычка. Двадцать два ребёнка в классе, у всех одинаковые пакеты, если не подписать — к обеду начинается война.

— Эмма, у тебя сегодня оркестр?

— В среду.

— Сегодня вторник.

— Значит, нет.

— Тогда я заберу тебя в три пятнадцать. Тайлер, ты со мной или едешь с Джейком?

— С Джейком.

— Джейк водит как ненормальный.

— Джейк водит нормально.

— Джейк в прошлом месяце въехал в почтовый ящик Мюллеров.

— Он не въехал. Он его чутка задел.

— Чуть-чуть, — сказала Эмма, не поднимая глаз от книги. — «Чутка» не говорят.

— Говорят.

— Не говорят. И ящик лежал на земле.

— А тебя вообще кто спрашивал?

— Я там была. Я видела.

Дана посмотрела на Коула. Коул пожал плечами. Двадцать лет брака научили их разговаривать над головами детей без слов, и этот взгляд значил: «Скажи ему ты». Пожатие плеч значило: «Он всё равно поедет с Джейком».

— Ладно, — сказала Дана. — С Джейком. Но если он ещё раз во что-нибудь въедет, ты едешь с мамой до самого выпускного. Тебе ясно?

— Ясно.

— Повтори.

— Мне ясно, — сказал Тайлер и съел ещё ложку.

Коул посмотрел на часы над дверью. 7:22. Ему нужно было выехать в половине восьмого, чтобы успеть к ресторану

до открытия кухни. Он допил кофе, сполоснул чашку и поставил её вверх дном на сушилку. Взял со стола ключи от грузовика, проверил телефон. Хозяин ресторана написал в шесть утра: «Коул, оно опять гудит». Коул ответил: «Буду к восьми». Подумал и добавил: «Не выключай».

— Пап, — сказала Эмма.

— М-м?

— А почему у Шеклтона собаки были? Они же в Антарктиде. Там им холодно.

— Не знаю. Для саней, наверное. Это ездовые собаки. Им холодно не бывает.

— Всем бывает холодно.

— Им меньше.

Эмма подумала.

— Их потом съели, — сказала она. — Тут написано. Когда кончилась еда.

Дана, которая как раз закрывала холодильник, остановилась с рукой на дверце.

— Эмма. За завтраком.

— Это правда.

— Я не спорю, что правда. Я говорю, что сейчас завтрак.

— Тайлер рассказал мне конец книги за завтраком.

Аргумент был неотразимый. Дана посмотрела на Коула. Коул снова пожал плечами, на этот раз с ухмылкой. Дана закрыла глаза и закрыла холодильник. Холодильник загудел, как гудел всегда, когда его открывали, — ровно, басовито,

слегка дребезжа решёткой сзади. Коул третий год обещал её подтянуть.

Он стоял у двери, держал ключи и не уходил. Потом он часто будет думать об этом: почему он не ушёл в 7:22, когда собирался. Он мог сидеть в кабине «Форда» на половине дороги к Фредериксбургу, когда всё началось. Мог быть в ресторане, на коленях перед компрессором, с фонарём в зубах. Он не ушёл, потому что Эмма спросила про собак, а потом Дана подошла к нему и поправила воротник рабочей рубашки, который всегда загибался внутрь, и сказала:

— Миссис Альварес опять будет совать тебе деньги.

— Не возьму.

— Возьми хоть пирог.

— Пирог возьму.

— Принеси домой половину.

— Ты же сказала, что она печёт слишком сладко.

— Я сказала, что слишком сладко для тебя. Для меня нормально.

Он засмеялся. Она тоже. Она стояла близко, пахла кофе и детским кремом, который мазала на руки от гуаши. У неё на подбородке было маленькое пятнышко зубной пасты. Коул протянул руку, стёр его большим пальцем, и Дана поморщилась, как морщатся дети, и сказала «спасибо» тем тоном, каким благодарят за непрошеную услугу.

Было 7:26.

Сначала он не понял, откуда звук.

Звук шёл отовсюду сразу. Пронзительный, двухтонный, электронный писк, который поднимался и опускался. Из кармана Коула. Со стола, где лежал телефон Тайлера. Из сумки Даны на стуле у двери. И из телевизора, где картинка с прогнозом погоды сменилась синим экраном с белыми буквами, а под ними поползла красная строка. Четыре устройства орали одновременно, и в маленькой кухне этот звук был таким громким, что Эмма прижала ладони к ушам, не выпуская книгу.

— Что это? — сказала она. — Пап, что это?

Коул достал телефон. На экране висело серое окно с жирным заголовком. Он прочитал заголовок и не понял его. Прочитал ещё раз.

«НАЦИОНАЛЬНОЕ ЭКСТРЕННОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ. УГРОЗА РАКЕТНОГО УДАРА ПО ТЕРРИТОРИИ США. НЕМЕДЛЕННО УКРОЙТЕСЬ В ПОМЕЩЕНИИ. ЭТО НЕ УЧЕНИЯ».

Писк прекратился так же разом, как начался. Телефон в руке Коула завибрировал ещё раз и затих. В тишине было слышно, как гудит холодильник.

— Это ошибка, — сказала Дана.

Она держала свой телефон в обеих руках, близко к лицу, и смотрела на экран так, как смотрят на анализы.

— На Гавайях так было, — сказал Тайлер. Он проснулся. Голос у него был совсем не сонный. — Несколько лет назад. Какой-то оператор нажал не ту кнопку, и всем пришло, что

летит ракета. Полчаса потом все бегали.

— Вот, — сказала Дана. — Видишь. Ошибка.

— Там потом отменили, — сказал Тайлер. — Через сорок минут.

Коул смотрел на телевизор. Синий экран с белыми буквами держался секунд двадцать, может, тридцать. Потом его сменила студия. Он сразу понял, что что-то не так, но не сразу понял что. Студия была та же самая, утренняя, с оранжевым диваном, с фальшивым окном, за которым был нарисован Сан-Антонио на закате. Шерил Окампо сидела за столом, не на диване. Прямо. Перед ней лежал листок бумаги. Шерил никогда не читала с бумаги, у неё был суфлёр. У неё было неправильное лицо: слишком белое, и рот как-то странно сжат, и она моргала чаще, чем надо.

— Тайлер, звук, — сказал Коул.

Пульт лежал у Тайлера под локтем. Тайлер нажал кнопку, и голос Шерил появился посередине фразы.

— ...Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям. Повторяю. Мы получили подтверждение. Мы получили подтверждение от... — она посмотрела на листок, — от нескольких источников, что в последние минуты произошли взрывы в ряде крупных городов страны. Мы... мы пока не можем...

Она замолчала. Посмотрела куда-то в сторону, мимо камеры. Кто-то за кадром сказал ей что-то, неразборчиво. Она кивнула.

— Министерство обороны подтверждает, что речь идёт о ракетном ударе. Других подробностей у нас нет, — сказала она. Голос у неё стал ровнее. Коул видел, как она это сделала: заставила себя, как заставляют себя на похоронах. — Губернатор штата Техас просит всех жителей оставаться дома. Не выходите на улицу. Не садитесь за руль. Держитесь подальше от окон. Если у вас есть подвал, спуститесь в подвал.

— У нас нет подвала, — сказала Эмма.

Никто ей не ответил.

— Нам сообщают, — сказала Шерил, — о взрывах в следующих городах.

Она опустила глаза к листку. Коул увидел, что листок дрожит у неё в пальцах. Мелко. Как дрожит лист на ветке, когда ветра нет.

— Вашингтон, округ Колумбия.

Дана села на стул у острова. Медленно, нащупав сиденье рукой.

— Нью-Йорк.

Тайлер положил ложку. Положил аккуратно, на салфетку, ручкой к себе. Коул потом вспомнит это: сын, который никогда в жизни не клал ложку на салфетку, положил её на салфетку.

— Чикаго. Лос-Анджелес.

Холодильник гудел. Часы над дверью тикали, ровно, громко, Коул никогда раньше не слышал, как громко они тикают.

— Сиэтл. Финикс.

Шерил остановилась. Сглотнула. Коул увидел, как у неё дёрнулось горло.

— Майами.

Она снова посмотрела в сторону, за камеру. Кто-то положил перед ней второй листок. Она взяла его, прочитала про себя, и Коул увидел, как у неё изменилось лицо. Совсем чуть-чуть. Будто внутри у неё что-то сдвинулось и встало на новое место.

— Хьюстон, — сказала она.

В кухне никто не пошевелился.

Хьюстон был в трёх с половиной часах езды. Коул ездил туда на выставку оборудования каждый март. У Даны там жила двоюродная сестра. Тайлер в прошлом году ездил туда с классом на экскурсию в космический центр и привёз Эмме магнит в форме шаттла, который до сих пор висел на холодильнике рядом со списком.

— Восемь городов, — сказала Шерил. — Это всё, что мы знаем на данный момент. Мы... у нас нет связи с нашими коллегами в Хьюстоне. Мы будем... мы останемся в эфире, пока...

Кто-то за кадром сказал что-то громче. Шерил подняла голову. Коул видел её глаза, смотревшие на что-то в студии, за пределами экрана, и эти глаза расширились.

— Что? — сказала она кому-то. — Что значит...

Картинка застыла.

Потом экран почернел. Не так, как чернеет экран, когда

пропадает сигнал, с синей заставкой и надписью «Нет сигнала». Просто стал чёрным, весь сразу, как закрывается глаз.

И холодильник замолчал.

Коул не сразу понял, что изменилось. Он стоял с телефоном в руке, смотрел на чёрный экран и чувствовал, что в кухне что-то не так, что-то пропало, и только через секунду или две понял: стало тихо. Холодильник, который гудел все одиннадцать лет, что они жили в этом доме, и которого никто никогда не слышал, потому что он гудел всегда, замолчал. Решётка сзади перестала дребезжать. Под потолком погасла лампа над столом. Он не замечал, что она горит, — утро, свет из окна, — но теперь, когда она погасла, кухня стала на тон серее. На микроволновке пропали цифры.

Он посмотрел на телефон. Экран был чёрный. Нажал кнопку сбоку. Ничего. Нажал и подержал. Ничего.

— Мой не включается, — сказал Тайлер. Он держал свой телефон и тыкал в него пальцем. — Пап. Мой вообще мёртвый.

— И мой, — сказала Дана.

Эмма сидела очень прямо, обеими руками держа книгу, и смотрела в окно над раковиной. Туда, где смотрел Коул пять минут назад, на туман в низине и голые персиковые сады. Она смотрела так, словно что-то там увидела. Коул не обратил на это внимания. Он обратил на это внимание только через много недель, когда она сама ему сказала, и тогда он долго сидел молча и не знал, что ответить.

Сейчас он сказал:

— Все сидят здесь.

И пошёл к двери.

На крыльце было прохладно. Солнце уже поднялось над холмом на востоке, и туман в низине начал редеть, но ещё лежал над ручьём полосой. Пахло мокрой травой и чьей-то печкой издалека. Небо было чистое, бледно-голубое, ни облака. Где-то в кустах у забора пела птица, пересмешник, он сидел там каждое утро и передразнивал всех подряд.

Коул стоял и слушал.

Он не сразу понял, что слушает. Потом понял. Он слушал дорогу. Окружная дорога шла вдоль их участка метрах в трёхстах, за дубами, и в это время по ней всегда кто-нибудь ехал. Школьный автобус в 7:35. Грузовики с гравием с карьера в сторону Стоунуолла. Соседи в город на работу. Звук шин по асфальту доносился сюда всегда, мягкий, ровный, такой же привычный, как гул холодильника. Сейчас его не было.

Он сошёл с крыльца и прошёл по гравию до ворот, откуда сквозь дубы была видна дорога. На дороге, метрах в четырёхстах, стоял пикап. Белый, большой, новый, Коул такие видел сотнями. Стоял поперёк своей полосы, чуть наискосок, как останавливаются, когда машина катится по инерции и водитель уже не управляет, а только тормозит. Дверь водителя была открыта. Рядом стоял человек в бейсболке и смотрел под открытый капот. Потом выпрямился и посмотрел вверх,

в небо.

Коул тоже посмотрел вверх.

Над головой небо было чистое. Ни одного самолётного следа. Он вдруг сообразил, что над Хилл-Кантри всегда были следы: самолёты шли на Остин и на Сан-Антонио, высоко, белыми нитками, и к восьми утра небо обычно было расчерчено ими крест-накрест. Сейчас не было ни одного. Только где-то очень далеко, на северо-востоке, у самого горизонта, висела над холмами бледная желтоватая полоса, похожая на след от лампы, если на неё долго смотреть, а потом закрыть глаза. Он смотрел на неё секунд десять и не мог сказать, видит ли что-то на самом деле.

Потом с той же стороны пришёл звук. Низкий, долгий раскат, глухой, как гром за дальними холмами, и стёкла в доме за спиной у Коула тонко звякнули. Пересмешник в кустах замолчал. Коул машинально подумал: гроза. И сразу подумал, что грозы не бывает при чистом небе. Раскат катился ещё секунд пять и затих, и пересмешник снова запел, как будто ничего не было.

Человек на дороге закрыл капот, сел в машину, вылез снова. Постоял. Пошёл пешком в сторону Фредериксбурга, не оглядываясь.

Коул вернулся к дому. Внедорожник Даны, серебристая «Тойота» шестилетней давности, стоял у крыльца, там, где Дана его вчера бросила. Ключи она всегда оставляла в замке зажигания, хотя Коул сто раз говорил ей не оставлять. Сей-

час он был рад, что она не послушала. Он открыл дверь, сел за руль, нажал на тормоз и повернул ключ.

Ничего не произошло.

Ни щелчка стартера. Ни огоньков на приборной панели. Ни писка, который «Тойота» издавала, если не пристегнуть ремень. Он повернул ключ ещё раз. Выключил, подождал, повернул. Машина была мертва так, как мертва бывает машина с вынутым аккумулятором. Аккумулятор был на месте, Коул менял его весной.

Он сидел за рулём, держался за ключ и смотрел через лобовое стекло на дом. В окне кухни он видел Дану: она стояла у раковины и смотрела на него. Рядом с ней стояла Эмма. Тайлера видно не было.

Тайлер вышел на крыльцо. Он был босиком, в пижамных штанах и футболке, в которой спал, с этим своим вихром на затылке. В руке он держал телефон, мёртвый, чёрный, и смотрел не на отца, а на машину. Смотрел внимательно, и лицо у него было такое, какого Коул не видел у него уже давно: сосредоточенное, взрослое, без всякой скуки.

Коул вылез из «Тойоты».

— Не заводится, — сказал он.

— Пап, — сказал Тайлер. — Это импульс.

— Что?

Тайлер сошёл с крыльца на гравий, босыми ногами, не по-морщившись.

— Электромагнитный импульс. Если рвануть ядерную

бомбу высоко, в атмосфере, километрах в ста, то волна выжигает всю электронику на тысячи километров. Телефоны, машины, подстанции. Всё. — Он поднял телефон и показал. — Это не связь пропала. Он сгорел. И «Тойота» сгорела. Там внутри компьютер.

Коул смотрел на сына. Тайлер говорил быстро, чётко, без своих обычных «типа» и «ну короче», и смотрел отцу прямо в глаза.

— Откуда ты это знаешь?

— Видео смотрел.

— Какое видео?

— Много видео. — Тайлер пожал плечами, и на секунду стал похож на себя прежнего. Потом снова стал другим. — Пап. Твой «Форд». Какого он года?

— Две тысячи третьего.

— Дизель.

— Он самый.

Тайлер медленно кивнул, что-то прикидывая в уме.

— Может, заведётся, — сказал он. — Может. Надо проверить.

Из дома вышла Дана. В руке у неё был блокнот, жёлтый, линованный, из тех, что она покупала пачками для школы, и ручка. Коул не знал, когда она успела их взять. Она остановилась на верхней ступеньке, посмотрела на мёртвую «Тойоту», на мужа, на сына, на пустую дорогу за дубами, где стоял брошенный белый пикап. Потом открыла блокнот на чистой

странице.

— Хорошо, — сказала она. — С чего начинаем?

Глава 2. Первые часы

«Форд» стоял в сарае.

Сарай Коул поставил сам, в первое лето после переезда: стальной каркас на бетонных столбах, стены и крыша из оцинкованного профлиста, ворота на роликах. Внутри пахло соляжкой, старым маслом и мышами. Вдоль стены тянулся верстак, над ним на перфорированной доске висели инструменты, каждый в своём контуре, нарисованном маркером. Контуры рисовала Дана, в тот год, когда Коул три раза за месяц потерял один и тот же разводной ключ. Грузовик стоял задом к воротам, как Коул ставил его всегда, чтобы утром выезжать без разворота. Белый, когда-то. Теперь скорее цвета кофе с молоком, с ржавыми потёками под зеркалами и вмятиной на заднем крыле, которую ему подарил прицеп с гравием в позапрошлом году. На двери полустёртая надпись: «Харлоу. Отопление и охлаждение» и номер телефона, который теперь некому было набирать.

Коул сел в кабину. Тайлер стоял у открытой двери, всё ещё босиком, и смотрел так, словно отец собирался разминировать бомбу.

— Обуйся, — сказал Коул.

— Потом.

— Сейчас. Там гвозди по всему полу.

Тайлер не пошевелился. Коул вздохнул, вставил ключ и

повернул его на одно деление. На приборной панели загорелась оранжевая спираль свечей накала. Загорелась. Коул смотрел на неё и не дышал. Спираль погасла через несколько секунд, как гасла каждое утро, и он повернул ключ дальше.

Стартер провернул раз, второй, третий. Двигатель кашлянул, схватил, сорвался. Коул отпустил ключ, выждал, снова дал свечам прогреться. На второй раз мотор схватил и застучал, тем тяжёлым, неровным дизельным стуком, который Дана называла «трактор пришёл», и выровнялся, и загудел. Сарай наполнился сизым дымом и грохотом. Где-то на верстаке задребезжала банка с шурупами.

Тайлер что-то крикнул. Коул не расслышал, заглушил мотор и высунулся из кабины.

— Что?

— Я говорю, сарай! — Тайлер стоял у двери и показывал рукой вверх, на крышу. — Он железный. Это как клетка Фарадея, только кривая. Может, поэтому. И ещё он старый, у него электроники мало. Где-то с две тысячи пятого начали ставить везде компьютеры, а у тебя ещё механика почти.

— Он не механика. У него тоже есть мозги, под капотом.

— Значит, повезло. — Тайлер помолчал и добавил тише: — Пап. Если по Хьюстону правда ударили, первые сутки или двое лучше не выходить. Осадки. Пыль оседает. Это тоже в видео было.

Коул посмотрел на приборную панель. Стрелки на месте. Топливо три четверти бака. Радио молчало, на дисплее маг-

нитолы не было ничего. Он покрутил ручку громкости, нажал кнопку включения. Магнитола была мертва. Мотор жил, а магнитола умерла, и это было так глупо, что Коул чуть не засмеялся.

Он вылез из кабины и долго стоял рядом с грузовиком, положив ладонь на тёплый капот. Потом сказал:

— Ладно. Обуйся. Пойдём в дом.

Дана сидела за кухонным столом над жёлтым блокнотом. Эмма сидела напротив неё и смотрела, как мать пишет. Книгу про Шеклтона она положила рядом с собой обложкой вниз. Кухня без гула холодильника казалась больше, и голоса в ней звучали громче, чем надо, и Коул поймал себя на том, что говорит вполголоса.

— Заводится, — сказал он.

Дана кивнула и записала что-то в блокнот. Коул наклонился посмотреть. Наверху страницы стояло: «Транспорт». Под ним: «Тойота — нет. Форд — да». Ниже, отдельной строкой, подчёркнутое: «Бензин/солярка — сколько?»

— Три четверти бака, — сказал Коул. — И две канистры в сарае, по двадцать литров. Одна полная. Вторая наполовину.

Дана записала.

— Что ещё ты пишешь?

— Всё. — Она перевернула страницу назад, и он увидел, что исписано уже две. — Еда. Вода. Лекарства. Батарейки. Свечи. Чем топить. Что сломалось. Что работает. Я не знаю, что из этого понадобится, поэтому пишу всё. Потом вычерк-

ну.

Она говорила спокойно. Слишком спокойно. Коул знал этот голос: так Дана говорила по телефону из школьного медпункта с родителями, чей ребёнок упал с горки и разбил голову. Ровно, внятно, по пунктам. Он однажды спросил её, как она это делает, и она сказала, что не делает ничего, просто голос сам так включается, а трести её начинается потом, дома, через несколько часов.

— Вода, — сказала она. — Коул. Насос.

Он понял не сразу. Потом понял, и у него похолодело в животе.

Вода в доме шла из скважины. Шестьдесят метров вглубь, погружной насос, напорный бак в подсобке. Насос работал от сети. Сети больше не было. Коул пошёл в ванную, открыл кран над раковиной. Из крана потекло, сильно, потом слабее, потом струйка, потом капли. Давление в баке кончилось. Он закрыл кран.

— Не открывайте краны, — сказал он, вернувшись. — Никто. И в туалете не сливайте. Я покажу как.

— Сколько у нас воды?

Коул начал считать вслух. В гараже стояла упаковка бутилированной, двенадцать бутылок по полтора литра, Дана брала её для школьных поездок. Это восемнадцать литров. В холодильнике кувшин с фильтром, ещё два. И водонагреватель.

— Водонагреватель, — повторила Дана.

— Бойлер в подсобке. На сто девяносто литров. Он полный. — Коул почувствовал, как в груди отпускает что-то, совсем немного. Это он знал. Это была его работа. — Внизу есть сливной кран. Если открыть сверху клапан, чтобы воздух шёл, можно слить всё в вёдра. Вода чистая. Ну, почти. Её пили бы и так, просто она стояла в баке, лучше прокипятить.

— Кипятить на чём? Плита электрическая.

— Гриль. На веранде. Баллон с пропаном.

— Полный?

Коул подумал.

— Не знаю. Последний раз жарили на День труда.

Дана записала: «Пропан — проверить». Подчеркнула два раза.

— И ручей, — сказала Эмма.

Они оба посмотрели на неё. Эмма сидела, подтянув колени к груди, на стуле, как ей сто раз говорили не сидеть.

— Ручей же есть, — сказала она. — Внизу. Там вода. Её можно кипятить.

— Можно, — сказал Коул. — Умница.

— У меня в походной аптечке таблетки, — сказала Дана, не поднимая головы от блокнота. — Для очистки воды. Мы их брали в Биг-Бенд и не использовали. Там пачка на пятьдесят штук. Одна таблетка на литр. Я посмотрю срок годности.

Коул посмотрел на неё. Поход в Биг-Бенд был четыре года назад. Он не помнил, что у них есть аптечка, и тем более не помнил, что в ней. Дана помнила.

В дверях кухни появился Тайлер. Он был обут, в джинсах и толстовке, и держал в руках радиобудильник из своей комнаты, старый, с красными цифрами, которые он так и не поменял на что-нибудь попримечнее, хотя Дана предлагала на каждое Рождество.

— Этот мёртвый, — сказал он. — Он от сети, так что неважно. Но у него батарейка внутри, для памяти. Она тоже не помогает. — Он поставил будильник на стол. — Где старый приёмник от погоды? Тот, жёлтый. С ручкой.

— В гараже, — сказала Дана. — На полке с походными вещами. Наверху.

Тайлер ушёл. Коул сел за стол напротив жены. Ему нужно было что-то делать, и он не знал что. Он чувствовал себя так, как чувствовал себя на крупном объекте, когда хозяин спрашивал: «Сколько будет стоить?» — а Коул ещё даже не залез на чердак посмотреть. Нужно было назвать число. Люди ждали числа. Он не знал числа.

— Губернатор сказал сидеть дома, — сказал он.

— Губернатор много что говорит, — сказала Дана. Потом подняла глаза. — Прости. Ты прав. Он сказал сидеть дома.

— Сидим дома. Пока не узнаем больше. Сегодня, завтра. Посмотрим, что будет. — Он помолчал. — Тайлер в сарае говорил про осадки. Радиоактивные. Если Хьюстон... если там правда было это. Первые сутки, двое, нельзя выходить. Пыль оседает.

— Хьюстон в четырёхстах километрах.

— Знаю.

— И что, она долетит?

— Не знаю. Зависит от ветра.

Он встал и вышел на крыльцо. Утро было уже совсем светлое. Туман в низине разошёлся, ручей блестел между деревьями. Коул поспешил палец и поднял его над головой, как делал отец, когда они ходили на оленя. Палец сразу заохлоло с одной стороны. Он повернулся, посмотрел на верхушки дубов вдоль дороги. Ветки клонились к югу. Ветер шёл с севера. Ровный, прохладный, сухой.

Холодный фронт, подумал он. Шерил говорила, что придёт на выходных. Пришёл раньше.

Он вернулся на кухню.

— Ветер северный, — сказал он. — Дует от нас туда. На Хьюстон и дальше, к заливу. Если что-то и поднялось оттуда, сюда не несёт.

Дана медленно выдохнула. Коул увидел, как у неё опустились плечи. На сантиметр, не больше.

— Хорошо, — сказала она. — Хорошо. Но окна всё равно надо закрыть. И щели. На всякий случай.

— И забить, — сказал Коул.

Дана посмотрела на него.

— Забить? От кого?

Ответа он не знал. Он знал только, что в сарае лежат шесть листов фанеры, купленных для курятника, который он так и не построил. И что человек в белом пикапе ушёл пешком

в сторону Фредериксбурга. И что до Фредериксбурга четырнадцать километров, а до Сан-Антонио сто десять, и в Сан-Антонио полтора миллиона человек, у которых тоже перестала идти вода из кранов.

Фанеры хватило на три окна: два в гостиной, выходявшие на дорогу, и одно на кухне. Остальные Коул закрыл изнутри, задёрнул шторы, а щели под рамами Дана заткнула скрученными полотенцами. Работали молча. Коул держал лист, Тайлер вбивал гвозди, неумело, с силой, два раза попал себе по пальцу и оба раза только зашипел сквозь зубы. Дом с забитыми окнами стал тёмным и чужим. В гостиной горела свеча, хотя было одиннадцать утра.

К полудню Дана закончила опись еды.

Она разложила всё на кухонном острове, как раскладывала на парте материалы для урока, по группам. Консервы слева: фасоль, кукуруза, томатный суп, тунец, две банки персиков в сиропе, которые Эмма любила и которые Дана покупала ей как подарок за хорошие оценки. Крупы и макароны посередине. Хлеб, полторы буханки. Арахисовое масло, большая банка, почти полная. Хлопья, три коробки. Печенье. Справа то, что из холодильника и морозилки: мясо, курица, сыр, молоко, яйца, остатки вчерашней лазаньи.

— Холодильник надо съесть первым, — сказала она. — Сегодня, завтра. Морозилка продержится, может, два дня, если не открывать. Потом всё потечёт.

— Мясо можно пожарить на гриле, — сказал Коул. — Всё

сразу. Жареное дольше хранится.

— Насколько дольше?

— Не знаю. Дольше.

Дана записала: «Мясо — жарить сегодня». Потом долго смотрела на остальное. Коул смотрел на то же самое. Ему казалось, что еды много. Остров был заставлен целиком.

— На сколько нам этого хватит? — спросил он.

— Не знаю, — сказала Дана. — Я посчитаю.

— Недели на две, — сказал Коул. — Точно на две.

Дана ничего не ответила. Только написала в углу страницы цифру и обвела её. Коул не стал смотреть, какую.

Днём он поехал посмотреть.

Он сказал, что только до развилки, километр, не больше, туда и обратно. Дана не хотела отпускать. Тайлер хотел ехать с ним. Коул сказал обоим «нет», взял из шкафа в спальне охотничью винтовку, ремингтон, который не доставал из чехла три года, проверил, что магазин пустой, и положил коробку патронов в карман куртки. Заряжать не стал. Держать заряженное оружие в кабине на пассажирском сиденье ему казалось чем-то из кино, где всё плохо кончается.

Дорога была пустая. Он ехал медленно, сорок километров в час, и грохот дизеля казался ему таким громким, что его, наверное, слышали в самом Фредериксбурге. Белый пикап стоял там, где Коул видел его утром, поперёк полосы, с открытой дверью. Коул объехал его по обочине. Внутри на пассажирском сиденье лежал стаканчик кофе с заправки,

крышка была на месте. На приборной панели скотчем была приклеена фотография двух девочек в одинаковых розовых платьях.

Дальше, у почтовых ящиков Мюллеров, стоял школьный автобус.

Коул остановился. Автобус был жёлтый, длинный, номер семь, тот самый, на котором Эмма ездила, пока Дана не стала возить её сама. Он стоял у обочины, аккуратно, с выключенными мигалками. Двери были открыты. Внутри никого не было. Коул вылез из кабины, подошёл, заглянул. На сиденьях лежали два рюкзака и бейсболка. Пол был грязный, в засохших следах. Водитель, наверное, понял, что автобус не заведётся, и повёл детей пешком, по домам. Или к школе. Коул стоял у открытой двери и думал, какого из двух решений он ждал бы от водителя, если бы там сидела Эмма, и не знал.

Ящик Мюллеров лежал на земле. Его так никто и не поднял после Джейка.

У развилки на шоссе Коул увидел людей. Женщина в розовой медицинской форме шла по обочине в сторону города, держа за руки двух мальчиков лет шести-семи. Мальчики были в одинаковых синих куртках. Коул поравнялся с ними и сбавил ход до шага. Женщина посмотрела на грузовик, на винтовку в чехле на сиденье, на Коула. У неё было серое лицо и пятна туши под глазами.

Он опустил стекло.

— Мэм, — сказал он. — Вам далеко? Могу подвезти.

Женщина остановилась. Мальчики спрятались у неё за спиной, один выглядывал из-за бедра. Она смотрела на Коула долго, секунды три, и он видел, как она взвешивает: незнакомый мужчина, грузовик, оружие, дети.

— Нет, — сказала она. — Спасибо. Нам недалеко.

— Вы уверены? Я могу...

— Нам недалеко, — повторила она громче и пошла дальше, быстрее, потянув мальчиков за собой.

Коул смотрел им вслед в зеркало, пока они не скрылись за поворотом. Потом развернулся на развилке и поехал домой. По шоссе в обе стороны не прошло ни одной машины. Только на горизонте, там, где была дорога на Остин, поднимался в небо дым, широкий, серо-коричневый, косой от северного ветра.

Дома Дана спросила, что он видел. Коул сказал: ничего. Пустая дорога, брошенные машины, никого. Про автобус он не рассказал. Про женщину тоже. Он и сам не знал почему. Наверное, потому что это ничего не меняло. Наверное, потому что ему было стыдно, хотя он не мог бы объяснить, за что.

Эмма сидела на крыльце и считала дым.

Она вышла туда после обеда, когда мама велела всем поесть лазаньи, и съела свою половину, хотя не хотела, потому что мама сказала, что холодильник надо съесть первым, а значит, лазанья теперь важная. Потом мама с папой начали сливать воду из бойлера в синие пластиковые вёдра, папа

ругался на кран, который прикипел, а Тайлер сидел на полу в гараже среди коробок и разбирал жёлтый приёмник отвёрткой. Эмма вышла на крыльцо, потому что в доме с забитыми окнами нечем было дышать.

С крыльца было видно далеко. Дом стоял на склоне, и за ручьём, за садами, за дорогой поднимались холмы, а за холмами были ещё холмы, ниже и синее. Обычно на холмах ничего не происходило. Сегодня над ними стоял дым.

Первый столб она заметила сразу, тот, что видел папа, на северо-востоке, большой, коричневый. Потом второй, левее, тоньше. Потом она стала смотреть внимательно и нашла третий, совсем далёкий, просто серую нитку над самым синим холмом. Тогда она решила считать.

Она считала, как считают звёзды, когда их мало, по одной, слева направо. Четвёртый был прямо на юге, где был Сан-Антонио. Он был не столбом, а пятном, широким, грязным, на полнеба, и Эмма не знала, считать его за один или за несколько. Решила, что за один. Пятый, шестой. Седьмой оказался облаком, и она его вычеркнула. Потом нашла настоящий седьмой. Восьмой. Девятый был близко, может быть, за Стоунуоллом, и под ним что-то мигало, оранжевое. Огонь. Эмма никогда не видела, как горит что-то большое, если не считать костров. Десятый.

Одиннадцатый был на западе, где ничего не было, кроме ранчо и холмов и шоссе на Джанкшен. Совсем тоненький, бледный, как дым от сигареты, если смотреть на него через

всю комнату.

Эмма открыла рот, чтобы сказать «двенадцать», хотя двенадцатого не было, и закрыла. Ей вдруг стало понятно, что каждый дым — это что-то горит, и где-то рядом с каждым дымом есть люди, и они видят этот дым близко, а она далеко. И что если она найдёт двенадцатый, то это будут ещё какие-то люди.

Она перестала считать. Обхватила колени руками и смотрела на холмы, не выбирая, куда смотреть.

Утром, в кухне, за секунду до того, как всё погасло, она смотрела в окно. И что-то увидела. В стекле или за стеклом, над холмами на северо-востоке, где сейчас стоял первый дым. Как вспышка от фотоаппарата, только бледная, далёкая, и в ту же секунду окно стало немножко белым, а потом обычным. Она моргнула, и всё уже было как раньше. Она тогда подумала, что ей показалось. Что это солнце отразилось от чего-нибудь. Она и сейчас так думала, почти. Поэтому никому не сказала. Если сказать, а это просто солнце, то будет глупо. Все и так заняты.

За спиной скрипнула дверь. Вышел папа, сел рядом на ступеньку. От него пахло дымом из сарая и чем-то металлическим. На руках у него были ржавые пятна от бойлера.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально.

Он посмотрел туда же, куда смотрела она.

— Считала?

Эмма удивилась, что он знает.

— Одиннадцать, — сказала она.

Папа долго смотрел на холмы, а потом обнял её одной рукой за плечи, и Эмма прислонилась к нему, и они сидели так, пока мама не позвала их жарить мясо.

Мясо жарили на веранде, на гриле, в сумерках. Пропана в баллоне оказалось на треть. Коул пожарил всё, что было в морозилке и в холодильнике: килограмм фарша котлетами, шесть куриных бёдер, три стейка, которые Дана берегла на годовщину. Жир капал на угли и вспыхивал, и над верандой поднимался запах, от которого в обычный вечер текли бы слюнки. Сейчас Коул ловил себя на том, что смотрит не на мясо, а на темноту за кругом света от гриля, туда, где дорога.

Ели на веранде, потому что в доме было слишком темно и душно. Тайлер съел три котлеты и стейк. Эмма съела одно бедро и долго ковыряла второе. Дана ела медленно и между кусками пересчитывала на пальцах что-то, шевеля губами. Коул съел стейк, тот самый, на годовщину, и не почувствовал вкуса.

— Приёмник мёртвый, — сказал Тайлер, жуя. — Жёлтый. Я его весь разобрал. Там плата сгорела, видно даже, одна дорожка чёрная. Я думал, раз на батарейках, то выживет. Не выжил.

— Значит, радио нет, — сказала Дана.

— Пока нет. — Тайлер вытер пальцы о джинсы. — У деда в сундуке был старый транзистор. Помнишь, мы забрали,

когда он умер? Коричневый такой, в коже, «Зенит», что ли. Шестидесятых годов. Там вообще нет никакой микроэлектроники, там просто транзисторы, вот такие, — он показал пальцами, — их, может, и не выбило. Если найду, попробую.

— Он не работал и тогда, — сказал Коул. — Отец его не включал лет двадцать.

— Значит, починю.

Коул посмотрел на сына. Тайлер сказал это просто, без рисовки, как говорил когда-то «значит, пройду этот уровень». Только теперь Коул почему-то поверил.

Когда стемнело совсем, они не пошли в дом. Сидели на веранде, все четверо, закутавшись в одеяла, потому что северный ветер к ночи стал холодным, градусов десять, не больше. Угли в гриле догорали красным. Больше света не было нигде.

Коул знал эту долину ночью. Он выходил на крыльцо покурить, пока не бросил, потом просто так, посмотреть. Всегда где-нибудь горел свет. Фонарь над воротами Клемента. Окна Мюллеров через поле. Красный огонёк вышки сотовой связи на холме, мигавший раз в две секунды. Оранжевое зарево над Фредериксбургом на севере, и ещё одно, слабее, большее, на юге, над Сан-Антонио, сто десять километров, а всё равно видно. И фары. Всегда хоть одна пара фар на шоссе.

Сейчас не горело ничего.

Ни фонаря, ни окна, ни вышки. Над Фредериксбургом было черно. Над Сан-Антонио на юге стояло зарево, только

другое, неровное, рыжее, оно колыхалось и временами вспыхивало ярче. Коул смотрел на него и понимал, что это не фанари.

Зато небо. Он поднял голову и не узнал его. Звёзд было столько, что они сливались в мутную полосу поперёк всего неба, от холмов до холмов. Коул видел такое однажды, в том самом походе в Биг-Бенд, в пустыне, в трёхстах километрах от ближайшего города. Здесь, в Хилл-Кантри, такого не было никогда.

— Смотрите, — сказала Эмма тихо. — Млечный Путь. Все смотрели.

И было тихо. Это Коул понял позже, через час, когда Эмма уснула у Даны на плече, а Тайлер ушёл в дом, сказав, что поищет дедов приёмник с фонариком. Коул сидел и слушал, и в ушах у него звенело от тишины. Не жужжал трансформатор на столбе у ворот. Не шуршали шины на шоссе. Не гудел холодильник за стеной. И в небе ничего не гудело. Над Хилл-Кантри всю ночь, каждую ночь, всю его жизнь, кто-нибудь летел: пассажирские на Остин, грузовые на Сан-Антонио, военные с базы, высоко, на пределе слуха. Он никогда этого не слышал, как не слышишь собственного дыхания. Теперь он слышал, что этого нет.

Пересмешник в кустах у забора молчал. Где-то далеко, на ранчо за холмом, мычала корова, долго, с перерывами, как мычат коровы, которых не подоили.

— Ты мне не сказал, — сказала Дана в темноте.

Коул вздрогнул. Он думал, она спит.

— Что?

— Что ты видел днём. Ты сказал «ничего». Ты так говоришь, только когда что-то было.

Коул помолчал. Эмма тихо сопела у Даны на плече. Угли в гриле совсем погасли.

— Автобус, — сказал он. — Седьмой. Стоит у Мюллеров. Пустой. Двери открыты.

Дана под одеялом нашла его руку и сжала. Сильно.

— А ещё женщина, — сказал он. — С двумя детьми. Шла пешком в город. Я предложил подвезти. Она отказалась. Испугалась меня.

— Правильно испугалась.

— Я знаю.

— Я бы тоже испугалась.

— Я знаю, Дана.

Они долго сидели молча. Звёзды медленно поворачивались над холмами.

Было, наверное, около двух ночи, когда Коул услышал мотор.

Он сначала решил, что ему кажется. Звук шёл с юга, издавна, низкий, хриплый, рваный. Бензиновый, старый, с дырчатым глушителем. Он то пропадал, то появлялся снова, когда дорога поворачивала между холмами. Коул сидел, не дыша, и следил за звуком, как следят за комаром в темноте. Мотор шёл по шоссе. Не быстро. Километрах в двух, может,

в трёх. Без фар. Коул смотрел туда, где должно было быть шоссе, и не видел ни одного огонька.

Кто-то ехал ночью без света по пустому шоссе на старой машине, которую не убил импульс.

Звук прошёл мимо развилки, не сворачивая к ним, и затих на север, в сторону Фредериксбурга. Коул ещё долго сидел и слушал, но больше ничего не было.

Потом он осторожно поднялся, чтобы не разбудить Эмму, и пошёл в дом. В спальне, на ощупь, нашёл куртку, достал из кармана коробку патронов, сел на кровать и при свете зажигалки, медленно, по одному, начал снаряжать магазин.

Глава 3. Второй и третий день

В среду утром никто не приехал.

Коул проснулся в шесть, по привычке, и полежал, слушая дом. Он ждал. Он сам не понимал, чего именно, пока не поймал себя на том, что прислушивается к шоссе. Вертолёт. Колонна грузовиков. Громкоговоритель на крыше полицейской машины. Человек в форме у ворот с планшетом и списком. Он видел такое по телевизору сто раз: ураган, наводнение, пожар, и на второй день по улицам уже едут люди в жёлтых жилетах, и раздают воду в бутылках, и кто-то главный стоит перед камерой и говорит, что ситуация под контролем.

В шесть утра было тихо. В семь тоже. В восемь Коул вышел на крыльцо с кружкой воды вместо кофе, потому что кофе варить было не на чем, и долго стоял, глядя на дорогу. Дым на северо-востоке стал ниже и шире, расплылся по горизонту бурой полосой. Над Сан-Антонио на юге небо было грязно-жёлтым.

— Они приедут, — сказал он Дане, когда она вышла и встала рядом. — Не сегодня, так завтра. Национальная гвардия, кто-нибудь. Здесь не город, здесь до нас очередь не скоро дойдёт. Но дойдёт. Надо сидеть и ждать.

Дана смотрела на дорогу.

— Ты не согласна, — сказал он.

— Я не знаю, с чем соглашаться. Ты говоришь «кто-ни-

будь». Кто?

— Губернатор. Армия. Федеральное агентство.

— Шерил сказала, что в Вашингтоне взрыв.

— Правительство не только в Вашингтоне. Есть же... — он искал слово, — планы. На такой случай. Бункеры. Они это сто лет готовили.

— Может быть, — сказала Дана. И ушла в дом.

День прошёл в работе. Коул отыскал в сарае старые кирпичи, оставшиеся от дорожки, которую так и не доделал, и сложил во дворе у веранды кольцо для костра, чтобы не трать пропан. Тайлер таскал из рощи у ручья сухие ветки и пилил их ножовкой. Эмма с Даной ходили к ручью с вёдрами. Ручей в октябре был мелкий, по щиколотку, вода прозрачная и холодная, и Дана заставляла Эмму набирать там, где течение, а не у берега, где стояла ряска. Вёдра несли вдвоём, по одному на двоих, останавливаясь каждые двадцать шагов. Тропинка от ручья к дому шла в горку, двести метров, и к третьему разу Эмма молчала и дышала ртом.

Воду кипятили на костре в большой кастрюле для спагетти. Кипятили десять минут, потом остужали, потом переливали в пустые бутылки. Коул следил за огнём и думал, что за весь день они с Даной сказали друг другу, может быть, двадцать слов, и все про воду.

Около четырёх по дороге прошли люди. Трое мужчин и женщина, с рюкзаками, пешком, со стороны Стоунуолла. Шли медленно, усталой походкой. Один из мужчин нёс на

плече что-то длинное, завёрнутое в одеяло. Коул стоял у ворот за дубом, держал винтовку стволом вниз и смотрел. Они тоже его видели. Женщина помахала рукой. Коул поднял руку в ответ. Никто не остановился. Через десять минут они скрылись за поворотом в сторону Фредериксбурга.

Он не знал, почему не окликнул их. Можно было спросить, откуда они, что видели. Можно было предложить воды. Неделю назад он остановился бы первым. Сегодня он стоял за деревом с винтовкой и смотрел, как они уходят.

Собака появилась в среду под вечер, через час после тех четверых.

Эмма увидела её первой, в окно гостиной, в щель между фанерой и рамой. Собака стояла у ворот, за забором, и смотрела на дом. Серо-голубая, в пятнах, с рыжими подпалинами на лапах и острыми ушами, одно из которых было надорвано. Хилер, австралийская пастушья. На шее красный ошейник.

— Пап, — сказала Эмма. — Там собака.

Коул подошёл к окну и долго смотрел в щель.

— Это Бёрка, — сказал он.

Уэйд Бёрк жил в двух километрах, за холмом, на ранчо в сто двадцать акров, где держал коров. Коул шесть лет назад ставил ему систему кондиционирования в новый дом. Работа была большая, на три недели, Коул сделал её хорошо. Потом Бёрк сказал, что в спальне на втором этаже жарко, а значит, система плохая, и платить он не будет. Коул приехал, померил, показал, что спальня на втором этаже жаркая потому,

что Бёрк сам отказался утеплять чердак, чтобы сэкономить, и это написано в смете, которую Бёрк подписал. Бёрк сказал, что ничего такого не подписывал. Коул подал иск в суд по мелким делам. Выиграл. Бёрк заплатил через восемь месяцев последним чеком, на обороте которого написал одно слово. С тех пор они не разговаривали. Если встречались в магазине во Фредериксбурге, Бёрк смотрел сквозь Коула, а Коул сквозь Бёрка. Дана говорила, что они как два петуха. Коул говорил, что дело не в нём.

Собаку звали Дюк. Коул знал это, потому что Бёрк орал на неё на весь двор все три недели, пока Коул лазил у него по чердаку.

— Где Бёрк? — спросила Дана.

— Не знаю.

Коул вышел на крыльцо. Собака у ворот насторожилась, присела на задние лапы. Коул спустился, прошёл к воротам, медленно, не глядя ей в глаза. Дюк не убежал. Он был худой, бока запали, и шерсть на одном боку свалилась в колтун, в котором застряли репы. Коул протянул руку тыльной стороной. Пёс понюхал, вильнул хвостом один раз, нерешительно. Коул открыл калитку, и Дюк вошёл во двор, обнюхал колёса «Тойоты», крыльцо, кирпичное кольцо с ещё тёплыми углями и лёг у ступенек, положив голову на лапы.

Эмма выскочила из дома с миской воды. Дюк выпил её всю, долго, громко, расплёскивая на ступеньки.

— Ему надо есть, — сказала Эмма.

Коул посмотрел на Дану, стоявшую в дверях. Дана посмотрела на собаку. Он видел, как она в уме считает.

— Сухари, — сказала она наконец. — Там пачка сухарей, которые никто не ест. И кости от вчерашней курицы. Только не трубчатые.

Эмма унеслась в дом.

Коул сел на ступеньку рядом с собакой. Дюк скосил на него глаз и не пошевелился.

— Надо к Бёрку съездить, — сказала Дана из дверей. Тихо, чтобы Эмма не слышала.

— Зачем?

— Коул. Собака одна. Худая. Бёрк её никогда не отпускал, ты сам говорил, он её на цепи держал, когда коровы в загоне. Что-то случилось.

— Может, он уехал. Бросил её. Он такой.

— А может, он лежит дома со сломанной ногой. Или с сердцем. Ему за семьдесят.

Коул смотрел на дорогу. Он думал о том, как подъедет к дому Бёрка на грохочущем дизеле. Как Бёрк, если он жив и цел, выйдет на крыльцо с дробовиком, потому что Бёрк выходил на крыльцо с дробовиком, даже когда к нему приезжали свидетели Иеговы. Как он, Коул, будет стоять у грузовика и говорить: «Уэйд, я просто заехал проверить, как ты». И как Бёрк посмотрит на него тем самым взглядом, сквозь. Или не посмотрит, потому что выстрелит раньше, он ведь тоже видит дым над городом, и в его доме нет света, и к нему едет на

грузовике человек, с которым он шесть лет не разговаривает.

А если Бёрк лежит в доме мёртвый, то Коул его найдёт. И что тогда. Хоронить? Оставить? Рассказать детям?

— Не поеду, — сказал он. — Два километра. Дана, я не знаю, что там. Если он жив, он меня не пустит. Если там кто-то ещё, то это хуже. Если он... — он не договорил. — У меня здесь вы. Я не поеду.

Дана постояла в дверях и ушла в дом. Коул не понял, согласилась она или нет. Он сидел на ступеньке, а рядом спал чужой худой пёс, и дышал во сне с присвистом, и подёргивал лапами.

Тайлер нашёл дедов приёмник ещё во вторник ночью, с фонариком. Чинил его всю среду.

Сундук стоял на чердаке, под скатом крыши, за коробками с ёлочными игрушками. Дед умер, когда Тайлеру было девять, и отец привёз из его дома в Тайлере, том самом городке в Восточном Техасе, в честь которого Тайлера называли, только этот сундук. Остальное продали. В сундуке лежали: дедова армейская куртка, коробка с медалями, которые никто не надевал, Библия, пачка писем, перевязанная шнурком, бритва в кожаном чехле и приёмник.

Приёмник был размером с толстую книгу. Коричневый кожаный корпус, металлическая решётка динамика, крышка откидывается, внутри шкала с частотами и золотая надпись «Zenith» наискосок. Ручка сверху, чтобы носить. Тайлер видел такие в одном видео, где мужик чинил старую технику в

гараже и рассказывал, что эти штуки делали на века.

Когда он открыл заднюю крышку, оттуда пахнуло кислым. Батарейки, шесть толстых, круглых, сгнили лет двадцать назад и растеклись белой коркой по контактам. Одна пружинка проржавела насквозь. Провод от антенны отвалился.

Тайлер разложил всё на кухонном столе, у окна, в щель над фанерой падало больше всего света. Он взял уксус из кладовки и старую зубную щётку и тёр контакты, пока белая корка не сошла и не показался металл. Ржавую пружинку заменил пружинкой из шариковой ручки, растянутой пассатижами. Батарейки взял из фонарей, из пульта, из настенных часов, пересчитал напряжение в уме, ругнулся, пересчитал ещё раз. Шесть больших батареек на полтора вольт — девять вольт. У них были только маленькие. Он соединил их последовательно, примотал изолентой в одну колбасу, прикрутил к контактам проволокой.

Оставался провод антенны. Его надо было припаять. Паяльник был у отца в сарае, электрический. Тайлер посидел, посмотрел на него. Потом взял толстую отвёртку, сунул её жалом в уголки костра, держал, пока жало не стало тёмно-вишнёвым, и прижал к проводу с кусочком припоя. Припой зашипел, потёк, схватил. Тайлер обжёг палец, сунул его в рот и взялся за следующий провод.

Потом включил.

Ничего. Он покрутил ручку громкости. Ничего. Проверил свои батарейки. Проверил контакты. Перемотал изоленту.

Включил снова.

Из динамика пошло шипение. Тихое, ровное, похожее на то, как шумит ручей, если стоять от него метрах в двадцати.

Тайлер замер. Потом медленно повёл ручку настройки по шкале. Шипение. Шипение громче. Треск. Шипение. Ни голоса, ни музыки, ни писка. Он прошёл всю шкалу, туда и обратно, три раза. Пусто.

— Работает? — спросила Эмма. Она стояла в дверях кухни, с собакой. Дюк не отходил от неё с той минуты, как она его накормила.

— Работает. Ловить нечего.

— Почему?

— Станции не работают. У них же тоже всё сгорело. — Он выключил приёмник, чтобы не тратить батарейки. — Ночью попробую. Ночью средние волны дальше идут. Отражаются от неба. Можно поймать станцию за тысячу километров. Если хоть одна где-то есть.

Эмма посмотрела на него с уважением, которое она обычно оставляла для книг.

— Откуда ты знаешь?

— Видео смотрел.

— Ты всё смотрел.

— Ну, — сказал Тайлер. — Я много смотрел.

Дана пересчитала еду ещё раз в тот же вечер, при свечке, на кухонном острове, когда Эмма легла, а Тайлер унёс приёмник в гараж ждать ночи.

Она пересчитала её во вторник днём, и во вторник вечером, и сегодня утром, и цифра каждый раз получалась одна и та же, но Дана считала снова, как дважды проверяют контрольную ребёнка, которому очень хочется поставить оценку выше. Банки, пачки, коробки. Сколько в банке калорий, она смотрела на этикетке. Сколько нужно в день взрослому мужчине, который весь день таскает воду и пилит дрова, она знала примерно. Сколько нужно семнадцатилетнему парню, она знала точно, потому что семнадцать лет кормила этого парня и видела, как в него проваливается всё, что лежит на столе. Две тысячи калорий на себя, две с половиной на Коула, три на Тайлера, полторы на Эмму. Можно урезать. Она урезала. Всё равно получалось.

Мясо с гриля они доели сегодня. Оно было уже не очень: жареное или нет, при двадцати градусах днём курица начала пахнуть. Дана выбросила два бедра в компостную яму и закопала, чтобы не пришли еноты. Молоко скисло во вторник ночью. Яйца ещё держались. Сыр она завернула в мокрое полотенце и положила в самое прохладное место дома, в кладовку под лестницей, и сыр от этого не стал вечным.

Пять дней. Если есть по-человечески. Семь, если впроголодь. Девять, если по-настоящему впроголодь, и тогда на девятый день Тайлер будет еле держаться на ногах, а Эмма будет спать по двенадцать часов.

Дана сидела над блокнотом и смотрела на обведённую цифру. Пятёрка. Она написала её во вторник и обвела, и Ко-

ул тогда не стал смотреть, она это заметила. Он сказал «недели на две», уверенно, как говорил клиентам «к пятнице будет готово». Иногда к пятнице действительно было готово.

Он вошёл на кухню, когда она в третий раз проверяла сумму. Сел напротив. Свечка между ними горела ровно, без копоти, хорошая свечка, ароматическая, с запахом ванили. Дана купила её на распродаже в прошлом январе для ванной и ни разу не зажгла.

— Сколько? — спросил он.

Она повернула к нему блокнот. Он смотрел на цифру и молчал.

— Это ерунда, — сказал он. — Ты не считала то, что в кладовке.

— Я считала то, что в кладовке.

— Там мешок риса.

— Там половина мешка риса. Пять фунтов. Я посчитала.

— И мука.

— Из муки без духовки ничего не сделаешь. Ну, лепёшки. На сковородке. На костре. Я посчитала муку, Коул. Я посчитала даже кетчуп.

Он отодвинул блокнот. Она видела, как у него напряглась челюсть, и знала, что сейчас будет. Он не любил ошибаться. Больше всего на свете Коул Харлоу не любил, когда то, что он сказал, оказывалось не так. Он не кричал, никогда. Он упирался, тихо и намертво, как бульдог, который вцепился в палку и не помнит уже, зачем.

— Пять дней это если никто не приедет, — сказал он.

— Да.

— А они приедут.

— Может быть.

— Дана.

— Коул, — сказала она. — Я не спорю. Правда. Может, приедут. Может, завтра утром у ворот будет стоять грузовик с солдатами, и они дадут нам мешок риса и бочку воды, и я тебе скажу, что ты был прав, при детях, громко. Я этого очень хочу. Но если они не приедут, то через пять дней у нас кончится еда. И через неделю у нас будет двое голодных детей в доме посреди поля, где до ближайшего магазина четырнадцать километров. Я просто хочу, чтобы мы об этом думали. Сейчас. Пока у нас есть пять дней, а не два.

Свечка потрескивала.

— Ты считаешь, надо уезжать, — сказал он.

— Я не знаю, куда уезжать. Я не знаю, что там, за забором. Ты знаешь?

— Нет.

— Вот. — Дана закрыла блокнот. — Я тоже. Поэтому я не говорю «уезжать». Я говорю «думать».

Он кивнул. Потом встал, обошёл стол, наклонился и поцеловал её в макушку. От него пахло дымом и потом.

— Подумаем, — сказал он. — Завтра. Ещё один день. Если завтра никто не приедет.

Дана кивнула. Он ушёл в спальню. Дана ещё долго сидела

у свечи и смотрела на закрытый блокнот, и думала, что вот так он и говорит «да», её муж: «ещё один день». Она при-выкла.

В одиннадцать Тайлер поднял всех. Собрались на кухне, все четверо и собака. Эмма пришла сонная, в пижаме, Дюк за ней. Свечку погасили, чтобы лучше слышать. Сидели в темноте вокруг стола, как вокруг костра. Тайлер включил приёмник и начал крутить ручку. Медленно, по миллиметру. Шипение, треск, шипение. В какой-то момент поймалась музыка, где-то совсем далеко, мексиканская, с аккордеоном и трубами, на испанском. Песня про любовь, кажется. Коул даже привстал. Тайлер подержал её секунд десять, пока она не утонула в треске. Подкрутил. Не нашёл.

— Мексика, — сказал Тайлер. — Значит, там работает.

Он крутил дальше. Прошло минут двадцать. Эмма заснула, положив голову на стол. Дана сидела, сцепив руки. Коул смотрел на тёмное окно.

Голос появился между двумя волнами треска, мужской, ровный, усталый, как у человека, который говорит одно и то же уже много часов.

«...повторяю. Это сообщение передаётся по поручению... командования. На всей территории штата Техас и прилегающих... введено военное положение. Повторяю. Введено военное положение. Соединённые Штаты находятся в состоянии войны. Гражданскому населению предписывается оставаться... мест проживания... не пытаться... крупные насе-

лённые пункты... Пункты распределения... будут объявлены... дополнительно... Любые попытки... мародёрства... на месте... Повторяю. Это сообщение передаётся...»

Треск накрыл его. Тайлер вцепился в ручку настройки, повёл туда, обратно, по волоску. Шипение. Треск. Пусто. Он искал ещё десять минут. Голос не вернулся.

Никто не говорил. Коул слышал, как дышит Дана рядом. Как сопит под столом Дюк.

— В состоянии войны, — тихо повторила Дана, без вопроса, как повторяют номер телефона, чтобы не забыть.

Эмма подняла голову со стола. Она не спала. Или проснулась, когда пошёл голос. Коул не знал.

— Мам, — сказала она. — А что такое военное положение?

Коул открыл рот, чтобы сказать что-нибудь простое. «Это значит, что солдаты помогают». Или «Это значит, что всё под контролем». Дана опередила его.

— Это значит, что обычных законов больше нет, — сказала она. Голос у неё был ровный. — Нет полиции, судов, мэров. Решают военные. Они могут приказать что угодно, и им надо подчиняться. Могут забрать вещи, если им нужно. Могут не разрешить ехать по дороге. А если кто-то ворует или нападает, его могут застрелить сразу, без суда.

— Как в войну?

— Это и есть война. Он же сказал.

Эмма помолчала.

— С кем? — спросила она.

Дана посмотрела на Коула в темноте. Коул не видел её лица, только силуэт против окна.

— Я не знаю, — сказала Дана. — Правда не знаю, Эмми. Никто нам не сказал.

— Но кто-то же знает.

— Кто-то знает. Не мы.

Эмма кивнула, медленно. Потом сползла со стула и забралась под стол, к собаке, и Дюк подвинулся, давая ей место. Коул слышал, как она шепчет что-то псу, тихо, неразборчиво.

Тайлер выключил приёмник и сидел, положив на него обе ладони.

— Пап, — сказал он. — «Пункты распределения будут объявлены дополнительно». Это значит, что их ещё нет. Ни в Сан-Антонио, нигде. Он бы назвал.

— Знаю, — сказал Коул.

— И «не пытаться въезжать в крупные населённые пункты». Значит, там плохо.

— Знаю.

— Никто сюда не приедет, — сказал Тайлер. — Им не до нас.

Коул смотрел на тёмное окно, за которым ничего не было видно, и думал о голосе. Усталом, ровном. Человек сидел где-то в комнате с микрофоном и генератором и читал бумагу, которую ему дали. Может быть, уже третьи сутки. Может

быть, он сам не знал, с кем война. Может быть, там, где он сидел, тоже никто не знал.

«Командования», — сказал голос. Какого командования, он не расслышал. Треск съел это слово.

Ночью, уже после радио, в стороне города несколько раз стреляли. Одиночные, далеко. Потом короткая очередь. Потом ничего.

Утром Дюка не было.

Эмма проснулась под столом, на одеяле, которое ей ночью подстелила Дана, и собаки рядом не было. Она обежала дом, двор, сарай. Кричала «Дюк! Дюк!», пока Коул не вышел и не попросил её не кричать так громко. Калитка была закрыта. Коул осмотрел забор и нашёл у ручья место, где сетка отошла от столба и под ней в мягкой земле был свежий подкоп.

— Он пошёл домой, — сказал Коул. — К Бёрку. Собаки всегда возвращаются домой.

— А если там никого нет?

— Значит, будет ждать.

Эмма посмотрела на него долгим материнским взглядом, серым и внимательным, и Коул впервые в жизни не выдержал его и отвёл глаза.

Он поднялся на холм за домом один, около полудня. С вершины, из-под старого дуба, на котором Тайлер в десять лет пытался построить домик, было видно на двадцать километров вокруг. Фредериксбург на севере: шпиль церкви, водонапорная башня, крыши. Над городом поднимался дым,

два столба, оба чёрные, жирные, такие бывают, когда горит резина или нефтепродукты. Заправка, подумал Коул. Или склад шин у объездной. На юге, над Сан-Антонио, небо было бурым до самого горизонта, и это бурое не уходило уже третий день.

На востоке, за холмом, была крыша дома Бёрка. Коул смотрел на неё. Над трубой не было дыма. Во дворе ничего не двигалось. Коровы в загоне стояли кучей у ворот, как стоят, когда их давно не кормили. Коул смотрел минут десять. Потом отвернулся.

Внизу, у дома, Дана развешивала на верёвке выстиранное в ручье бельё. Тайлер колол дрова, неумело, с замахом от плеча, промахиваясь мимо полена через раз. Эмма сидела на крыльце одна. Без книги.

Коул стоял на холме и думал. Он думал так, как думал на сложном объекте, когда хозяин уже ушёл, инструмент разложен, и надо решить, с чего начинать, потому что начать с неправильного места значит переделывать всё. Пять дней еды. Уже четыре. Вода из ручья, пока ручей не пересох или пока кто-нибудь выше по течению не бросил в него что-нибудь. Пропана на неделю, дров на сколько угодно. Солярки в баке и канистрах километров на шестьсот, если не гнать. Ни связи, ни новостей, кроме голоса в треске, который сказал: сидите дома и ждите, никто к вам не приедет.

И Бёрк. Коул не знал, что с Бёрком. Он мог бы узнать за пятнадцать минут. Он не поехал. И если бы его спросили,

правильно ли он сделал, он бы ответил «да», и это было бы правдой, и от этого было не легче.

Он подумал, что можно сидеть в этом доме и ждать, пока кончится еда, а потом пойти пешком в город, как те четверо с рюкзаками. Или уехать сейчас, пока есть солярка, и еда, и силы.

Куда — он не знал. В Остин? В Сан-Антонио? Голос сказал: не въезжать в крупные населённые пункты. Северо-восточный дым стоял над Остином. К родне Даны в Хьюстон больше было нельзя. Родители Коула умерли, а другой родни, к которой можно было бы постучаться, у Харлоу почти не осталось.

И тогда он вспомнил Рут.

Тётка звонила в июле, на день рождения Коула, как звонила каждый год. Разговор был короткий, как всегда: как дети, как работа, как здоровье. Рут, младшая сестра его отца, была замужем, овдовела, но фамилию мужа так и не взяла и осталась Рут Харлоу. Ей было шестьдесят восемь, она жила на Мауи с восемьдесят какого-то года, в Куле, на ранчо на склоне горы, держала кур и выращивала что-то, Коул так и не запомнил что. Адрес он знал только потому, что каждый декабрь от неё приходила рождественская открытка, и Дана ставила её на каминную полку: «Рут Харлоу, Кула, Мауи» и номер почтового ящика. Он видел её два раза в жизни: на похоронах деда и на похоронах отца. Маленькая загорелая женщина, которая всё время смеялась не там, где смеются на

похоронах, и которую за это не любила вся родня.

В конце июльского разговора Рут сказала: «Коул. Если когда-нибудь что-нибудь случится, такое, по-настоящему, ты знаешь, где я. У нас тут всё готово. Приезжай». Он засмеялся и спросил: «Что случится, Рут?» Она сказала: «Неважно что. Просто запомни». И он сказал «ладно», чтобы закончить разговор, и забыл до сегодняшнего дня.

Мауи. Гавайи. Шесть тысяч километров, и половина из них океан.

Это было глупо. Это было так глупо, что Коул засмеялся вслух, один, на холме, и смех получился странный, хриплый, и он сразу замолчал.

Он спустился вниз. Дана сняла с верёвки последнюю футболку и стояла с корзиной в руках, глядя на него.

— Что там? — спросила она.

— Над Фредериксбургом горит. Две штуки. У Бёрка коровы не кормленные.

Дана опустила корзину на землю.

— Значит, его нет.

— Не знаю. Может быть.

Она смотрела на него и ждала. Он знал, что она ждёт. Она ждала со вчерашнего вечера.

— Завтра грузимся, — сказал Коул. — С утра. Всё, что влезет в «Форд». Сначала в Комфорт, это двадцать с лишним километров на юг. Там магазин, аптека. Если что-то осталось. Во Фредериксбург не сунемся. А там посмотрим.

— А там куда?

Коул посмотрел на дорогу, на холмы, на бурое небо на юге.

— Дана, — сказал он. — Ты помнишь Рут?

Глава 4. Магазин

— Ты с ума сошёл, — сказала Дана.

Это было в четверг вечером, на кухне, при той же ванильной свечке, от которой осталась половина. Дети спали. Коул рассказал ей всё: про звонок в июле, про «у нас тут всё готово», про то, как он засмеялся на холме. Дана слушала молча, не перебивая, и он видел по её лицу, что она слушает так, как слушала родителей, которые приходили на собрание с уверенностью, что их ребёнок гений и его недооценивают.

— Знаю, — сказал он.

— Гавайи, Коул. Это посреди океана.

Он только кивнул.

— Мы не знаем, что там. Там тоже военные базы. Если по нам ударили, то по ним...

— Знаю, Дана. — Он потёр лицо ладонями. Щетина выросла за три дня и кололась. — Я не говорю, что это план. Это не план. Это просто единственное место на свете, где нас кто-то позвал. Больше никто не звал.

Дана долго смотрела на свечку.

— Сколько ты её видел? Два раза?

— Два.

— И она сказала «приезжай» по телефону, на день рождения, в июле. Люди так говорят. «Заезжай как-нибудь». Это ничего не значит.

— Рут так не говорит. — Он сам удивился, что так уверен.
— Она не из тех, кто говорит, чтобы сказать. Она на похоронах отца подошла ко мне и сказала, что он был упрямый осёл и что я на него похож. При всех. Мама потом неделю с ней не разговаривала. Рут если говорит, то имеет в виду.

Дана почти улыбнулась. Не до конца.

— Хорошего про Рут это ничего не говорит.

— Мне тоже. Но она позвала.

Они больше не говорили об этом. Дана задула свечку, и они пошли спать, и Коул долго лежал в темноте и слушал, как она не спит рядом.

Грузились в пятницу на рассвете.

Коул заранее решил, что «Форд» возьмёт всё, и ошибся. В кузове стоял его рабочий ящик с инструментом, вделанный в борт, железный, на замке, и он занимал треть места. Ещё треть заняли две канистры с соляркой и синие вёдра с кипячёной водой, закрытые крышками и перетянутые скотчем. Оставалась треть, и в неё надо было уложить всё остальное.

Дана стояла у кузова с блокнотом и вычёркивала. Палатка, четырёхместная, из похода в Биг-Бенд, свёрнутая в чехол. Спальники, три, четвёртого не было, его Тайлер порвал прошлым летом и выбросил. Одеяла вместо четвёртого. Походная газовая горелка и два маленьких баллона к ней. Кастрюля, сковородка, четыре металлических кружки. Аптечка: Дана перебрала её ещё ночью, выкинула просроченное, добавила всё, что нашла в ванной. Таблетки от давления Ко-

ула, на месяц. Ингалятор Эммы, у которой астма случалась раз в год, весной, от цветения, но ингалятор был всегда. Еда в двух картонных коробках, всё, что осталось, и коробки весили меньше, чем Коулу хотелось бы.

Он сам принёс из спальни винтовку в чехле и две коробки патронов, всё, что было. Сорок штук. Он ни разу в жизни не стрелял сорок раз за один год.

Тайлер вынес дедов «Зенит», завёрнутый в полотенце, и свой школьный рюкзак, в котором лежало непонятно что. Коул не спрашивал.

Эмма вынесла книгу про Шеклтона.

Дана посмотрела на неё, на книгу, открыла рот и закрыла.

— Она библиотечная, — сказала Эмма. — Её надо вернуть через неделю. Я её не дочитала.

— Эмми...

— Она поместится. Я сама понесу.

Дана подумала. Потом кивнула и ничего не стала вычёркивать.

Перед самым отъездом Коул обошёл дом. Он не собирался, ноги сами понесли. Гостиная, где фанера на окнах и на полу след от ножки дивана, который они двигали, когда клали ковёр. Кухня с мёртвым холодильником и магнитом-шаттлом. Комната Тайлера: плакаты, наушники на гвозде, игровая приставка под телевизором, которая теперь была просто куском пластика. Комната Эммы: книги на полу стопками, потому что полки кончились ещё в прошлом го-

ду. Их с Даной спальня. Он постоял в дверях, посмотрел на неубранную кровать.

Одиннадцать лет. Он здесь сам перекладывал крышу. Сам провёл воздуховоды по всему дому, сам поставил систему, лучшую, какую мог себе позволить, и потом пять лет хвастался клиентам, что у него дома круглый год плюс двадцать два, ни градусом больше, ни градусом меньше. Сейчас в доме было плюс двадцать шесть и пахло затхлым.

Он вышел и запер дверь на ключ. Постоял, держа ключ в руке. Потом положил его в карман джинсов, в маленький кармашек для часов, куда никогда ничего не клал.

Дана видела. Ничего не сказала.

Дорога на юг была такой, какой Коул её ещё не видел.

До развилки он уже ездил, а дальше начиналось шоссе на Комфорт, двухполосное, извилистое, через холмы, мимо ранчо и виноградников, которые в последние десять лет по-вырастали по всему Хилл-Кантри, как грибы. В обычную пятницу утром по нему шёл поток: туристы из Сан-Антонио, грузовики с вином, фермеры. Сейчас на нём стояли машины.

Не все сразу и не везде. Сначала одна, потом через километр ещё две, потом три подряд у самого моста через ручей Гримс. Они стояли так, как остановились во вторник утром: кто на своей полосе, кто наискосок, одна в кювете колесом вверх, видимо, водитель не справился, когда отказал руль. Почти у всех были открыты двери. Некоторые были пустые, с выпотрошенными бардачками, с разбитыми стёклами. Коул

объезжал их медленно, где по встречке, где по обочине. Тайлер сидел рядом и смотрел в окно. Дана с Эммой сзади, на узком откидном сиденье, где обычно лежали папки со сметами.

У моста через Гримс стоял трейлер с прицепом для лошадей. Прицеп был открыт, пуст. На обочине, в траве, лежало что-то большое, тёмное, и над ним кружились мухи, и Коул прибавил газу, но не успел. Лошадь. Мёртвая, на боку, со вздутым животом. Наверное, хозяин выпустил её, а она не ушла от прицепа. Или не выпустил.

— Не смотри, Эмми, — сказала Дана.

— Я уже посмотрела, — ответила Эмма.

До самого Комфорта ехали молча.

Город начинался с заправки. Коул знал её: «Валеро» на въезде, где он иногда заливал солярку и брал кофе. Колонки стояли мёртвые. Стеклянная дверь магазинчика была разбита, на асфальте блестели осколки. На крыше навеса, на самом краю, сидел человек с ружьём. Сидел, свесив ноги, и смотрел на дорогу. Когда «Форд» проезжал мимо, человек поднялся. Не целился. Просто встал и стоял, держа ружьё поперёк груди, пока грузовик не скрылся за поворотом.

Комфорт был маленький, две тысячи человек, может быть, три. Главная улица, старые каменные дома, которые немцы строили сто пятьдесят лет назад, антикварные лавки, кофейня, две церкви, пожарная часть. Коул бывал здесь по работе раз двадцать. Сейчас он не узнавал его, хотя всё сто-

яло на своих местах.

Людей почти не было. Женщина на крыльце дома раскладывала на перилах мокрое бельё. Двое мальчишек на велосипедах пронесли по тротуару и свернули в переулок. Старик в кресле-качалке на веранде кофейни, у которой не горела вывеска и была заколочена дверь, смотрел на грузовик, не мигая. На двери лютеранской церкви висел лист картона, на котором кто-то написал маркером крупными буквами: «ВОДА 12:00. ПРИНОСИТЕ СВОЮ ТАРУ. ПО 4 Л НА ЧЕЛ.». У пожарной части стояла старая пожарная машина, красная, хромированная, на которой обычно возили Санта-Клауса на рождественском параде. Около неё возились люди, человек пять.

— Тут кто-то что-то делает, — сказала Дана. — Видишь? Вода в двенадцать.

— Вижу.

— Может, стоит...

— Может. Сначала магазин.

Продуктовый был на выезде, с другой стороны города. Небольшой, сетевой, «Хай-Пойнт», с плоской крышей и большой парковкой, где летом всегда стояли туристы. Коул подъехал медленно и остановился на краю парковки, не заглушая мотор. Посмотрел.

Окна магазина были разбиты все. Не одно, все до единого, большие витринные стёкла лежали на асфальте крошечном, и рамы стояли пустые, как зубы без коронок. Автоматиче-

ские двери были выломаны, и одна из створок валялась на парковке. Изнутри было темно. По асфальту от входа тянулись какие-то полосы, тёмные, липкие на вид, и рядом лежали рваные пакеты, сплюснутая коробка от хлопьев, детский ботинок.

На другом краю парковки стоял пикап. Тёмно-зелёный «Шевроле», старый, широкий, с хромированной решёткой и квадратными фарами, восьмидесятых годов, может, конца семидесятых. Может, тот самый, что проехал ночью без фар мимо их развилки, подумал Коул. Или такой же. Старая машина, которая ездит. Возле него трое мужчин грузили в кузов коробки.

Коул смотрел на них через лобовое стекло. Они тоже его видели. Посмотрели на «Форд» и продолжили грузить, только медленнее. Один из них, самый крупный, в камуфляжной куртке и бейсболке, поставил коробку на борт и выпрямился, глядя прямо на Коула. Смотрел без злости и без угрозы, плоско, без всякого выражения.

— Не выходи, — сказала Дана.

— Мне надо посмотреть, что внутри.

— Внутри ничего нет. Ты видишь.

— Я не вижу, что там на складе. В подсобке. Люди не всегда проверяют подсобку.

Дана помолчала. Он слышал, как она дышит.

— Тогда возьми Тайлера, — сказала она. — Не ходи один.

Коул посмотрел на сына. Тайлер уже отстегнул ремень.

— Ты остаёшься в машине, — сказал Коул Дана. — Мотор не глушить. Если что-то, жми на сигнал и не жди нас. Уезжай.

— Я не уеду.

— Дана.

— Я не уеду, Коул. Иди и быстро возвращайся.

Он вынул винтовку из чехла, проверил магазин и вылез. Тайлер вылез с другой стороны. Мужчины у зелёного пикапа перестали грузить и смотрели. Коул держал винтовку стволом в землю, на сгибе руки, как держал на охоте, когда шёл по полю с отцом. Медленно, не глядя на пикап, пошёл к выбитым дверям. Чувствовал между лопаток взгляд, ровный, тяжёлый, и до самых дверей не повернул головы.

Внутри пахло так, что Тайлер закашлялся.

Пахло гнилым молоком, протухшим мясом, рыбой, которая три дня лежала в отключённых витринах-холодильниках при плюс двадцати пяти. Сладкий, тяжёлый, тошный запах, который забивался в горло и оседал на языке. Коул задержал дыхание, потом дышал ртом. Свет падал только через выбитые витрины, и дальше двух первых рядов стоял полумрак.

Полки были пустые. Коул прошёл вдоль первого ряда: крупы, макароны, соусы. Голые металлические полки, ценники, рваная упаковка на полу, рассыпанный рис, в который кто-то наступил и растащил по всему проходу. Второй ряд: консервы. Ни одной банки. Третий: вода и напитки. Ничего. Пустые поддоны, на которых раньше стояли упаковки воды.

Плѐнка от упаковок, сорванная, валялась кучей.

Тайлер светил фонариком. Луч прыгал по полкам, по полу, по тѐмным витринам холодильников, за стеклом которых что-то темнело и шевелилось. Коул не стал присматриваться.

— Пап, — сказал Тайлер. — Тут вообще ничего.

— Склад. Сзади.

Дверь на склад была в конце зала, за мясным отделом, двустворчатая, с резиновыми полосами. Одна створка висела на одной петле. За ней было совсем темно. Коул остановился у двери и прислушался. Ни звука. Он кивнул Тайлеру, и тот посветил внутрь.

Склад был пустой. Высокие стеллажи до потолка, поддоны, тележка-погрузчик с вывернутой ручкой. Всѐ вычищено. В углу, у служебного выхода, валялись раздавленные картонные коробки и пластиковые обѐртки. Кто-то поработал здесь основательно, не за один раз, может, весь вторник и среду, пока брать было что.

Коул стоял посреди пустого склада и чувствовал, как внутри у него оседает что-то тяжѐлое. Он знал, что так и будет. Дана сказала. Он видел разбитые окна с парковки. Всѐ равно стоять здесь, на бетонном полу, среди голых стеллажей, оказалось хуже, чем просто знать.

Тайлер ходил вдоль стеллажей, светил под нижние полки, заглядывал за поддоны. Коул хотел сказать ему, что это бесполезно, и не сказал.

— Пап.

Тайлер стоял на коленях у дальнего стеллажа, засунув руку по плечо под нижнюю полку. Вытащил что-то, показал. Банка. Тушёная говядина, большая, полкило, помятая с одного боку. Видимо, упала и закатилась туда, куда ни у кого не хватило терпения заглядывать. Тайлер снова полез под полку, пошарил, вытащил ещё одну. Фасоль. Потом коробку соли, промокшую с угла. Потом пачку батареек, четыре штуки, пальчиковые, в лопнувшей упаковке.

— Батарейки, — сказал Тайлер и поднял их, как трофей.
— Для «Зенита».

Коул присел рядом на корточки. Посмотрел на сына, на две банки, на соль, на батарейки. Две банки. На четверых человек. Это было ничто. И это было больше, чем он нашёл сам.

— Молодец, — сказал он.

Тайлер пожал плечами, сунул всё в рюкзак и полез под следующий стеллаж.

Под следующим ничего не было. Под тем, что за ним, тоже. Они обшарили весь склад и вышли через двадцать минут с двумя банками, солью и батарейками. На парковке зелёный пикап всё ещё стоял, и мужчины всё ещё грузили. Коул прошёл мимо них к «Форду», не глядя.

Аптека была через дорогу, в маленьком торговом ряду, между парикмахерской и офисом страховой компании. Её Коул проверил один, оставив Тайлера у грузовика. Дверь была цела, только стекло в ней выбито, и кто-то просунул руку

и открыл замок изнутри. Внутри было то же самое. Полки у кассы, где лежали витамины и пластыри, пусты. Витрина с очками для чтения разбита, очки рассыпаны по полу. Окошко рецептурного отдела выломано, за ним шкафы с выдвинутыми ящиками, все пустые. На полу белели рассыпанные таблетки, растоптанные в пыль, и пустые оранжевые баночки с белыми крышками.

На ступеньке у задней двери аптеки сидел старик.

Коул увидел его не сразу, только когда прошёл за прилавок. Старик сидел на бетонной ступеньке служебного выхода, в белом халате, грязном, с бейджем на нагрудном кармане. Седой, худой, в очках. Держал в руках термос и смотрел на Коула снизу вверх, без страха, устало.

— Ничего не осталось, — сказал старик. — Во вторник вечером пришли. Четверо, с оружием. Я им открыл. Чтобы стекла не били. Они всё равно побили.

— Простите, — сказал Коул.

— Вы-то тут при чём. — Старик отпил из термоса. — Вам что нужно было?

— Не знаю. Антибиотики. Что-нибудь от температуры. У меня жена и двое детей.

Старик кивнул. Посмотрел на винтовку в руке у Коула. Потом поставил термос на ступеньку, полез в карман халата и вытащил маленький коричневый пузырёк и пластиковую упаковку таблеток.

— Йод, — сказал он. — И это от жара, детское. Больше

у меня ничего нет. Это я себе оставил, но мне, видимо, уже не очень.

Коул взял. Не знал, что сказать.

— Вы здесь живёте?

— Сорок один год, — сказал старик. — Эта аптека. Сорок один год. Знаете, кто был во вторник? Один из них. Я ему в восемь лет разбитую коленку бинтовал. Он меня не узнал. Или узнал. Не знаю, что хуже.

Он снова взял термос и отвернулся к двери, и Коул понял, что разговор закончен.

Дана видела, как Коул выходит из аптеки, и видела, что он несёт что-то маленькое в кулаке, и видела его лицо, и решила ничего не спрашивать до вечера.

Она сидела на водительском месте, куда пересела, когда Коул ушёл, и держала руки на руле, хотя никуда не собиралась ехать. Мотор работал. Эмма на заднем сиденье прижалась лбом к стеклу и смотрела на магазин с выбитыми окнами. Тайлер стоял у кузова, прислонившись к борту, и делал вид, что не смотрит на мужчин у зелёного пикапа.

А мужчины закончили грузить.

Крупный, в камуфляже, затянул на кузове брезент и закрепил его верёвкой. Второй, лысый, с бородой, курил, привалившись к кабине. Третий был молодой. Дана рассмотрела его, пока он таскал последние коробки. Лет двадцать, может, меньше. Худой, в серой толстовке с капюшоном и логотипом какого-то колледжа, в грязных кроссовках. Он двигался

суетливо, слишком быстро, и всё время оглядывался то на крупного, то на дорогу. Дана полжизни проработала с детьми и умела видеть, когда ребёнок боится. Этот боялся, сильно, и боялся чего-то своего, к Харлоу отношения не имевшего.

Крупный сказал что-то, Дана не расслышала. Лысый бросил окурок. Молодой кивнул, отошёл от пикапа и пошёл через парковку. В их сторону.

Дана сжала руль.

Он шёл быстро, засунув руки в карманы толстовки, глядя под ноги. Не к грузовику, мимо, к тротуару, к дороге. Как идёт человек, которому надо куда-то, и это куда-то лежит как раз за «Фордом». Он прошёл в двух метрах от открытого окна со стороны Даны. Не повернул головы. Не замедлил шаг. Только губы шевелились, и голос был тихий, быстрый, сиплый, как будто он долго кричал или долго молчал.

— Хьюстон уничтожен. Даллас уничтожен. Восемь городов, может, больше. Правительства нет. Никакого. Выбирайтесь из Техаса, пока можете.

И прошёл мимо. Дана повернула голову, но он уже был на тротуаре, уже сворачивал за угол парикмахерской, уже исчез.

Крупный у пикапа смотрел туда, куда ушёл молодой. Потом перевёл взгляд на «Форд». На Дану. Долго. Потом сел за руль. Лысый сел рядом. Зелёный пикап завёлся с рёвом, выплюнул сизый дым и выехал с парковки, в ту же сторону, куда ушёл парень. Медленно, шагом.

Дана сидела и смотрела, как он скрывается за углом.

Коул подошёл к окну. Тайлер рядом.

— Что он сказал? — спросил Коул. — Этот, молодой. Я видел, он что-то говорил.

Дана повторила, слово в слово. Она хорошо запоминала то, что ей говорили один раз. Учительская привычка: дети никогда не повторяют дважды.

— Даллас, — сказала Эмма с заднего сиденья. — По телевизору не было Далласа. Было восемь, и Далласа не было. Я помню. Там был Финикс.

— Может, потом, — сказал Тайлер. — После того как всё вырубилось. Мы же не знаем, что было потом.

— Или он ошибся, — сказала Дана.

— Может, и ошибся, — согласился Коул.

Никто не знал, какой вариант хуже. Если Даллас был, то восемь городов уже не восемь, и, значит, это не кончилось во вторник утром, и, может, не кончилось до сих пор. Если Далласа не было, то парень в толстовке не знал, о чём говорит, и тогда не знал и всего остального. Тогда, может, правительство есть. Тогда, может, надо было ждать дома.

Коул стоял у окна, положив руку на дверь, и смотрел на угол парикмахерской, за которым исчез парень. Потом на дорогу, по которой уехал зелёный пикап. Потом на лютеранскую церковь, где в двенадцать дадут по четыре литра воды на человека. Потом на Дану.

Дана смотрела на него. Она ждала, что он скажет. Она знала, что он скажет, и он знал, что она знает, и всё равно надо

было, чтобы кто-то сказал это вслух.

«Выбирайтесь из Техаса».

Коул открыл бардачок, достал оттуда толстый, затрёпан- ный, с отклеивающейся обложкой атлас автомобильных до- рог, который возил с собой десять лет и ни разу не открыл, потому что был телефон. Протянул его Дане через окно.

Дана взяла атлас и положила на руль. Раскрыла на разво- роте с Техасом. Нашла пальцем Комфорт, крошечную точ- ку на тонкой красной линии. Посмотрела на юг, где Сан- Антонио был большим жёлтым пятном. На восток, где Хью- стон был таким же пятном, только больше, на берегу залива. Перевернула страницу. Луизиана. Миссисипи. Перевернула ещё. Флорида, длинная, как палец, указывающий в никуда.

Она долго смотрела на карту. Коул ждал. Где-то за парик- махерской, в той стороне, куда уехал зелёный пикап, хлоп- нул выстрел. Один. Больше ничего.

Глава 5. Грузовик умирает

Решили на парковке, у капота, над атласом.

Дана разложила его на горячем металле, придавив стра-
ницы ладонями, чтобы не перелистывал ветер. Коул стоял
рядом. Тайлер заглядывал через плечо. Эмма сидела в каби-
не, высунув голову в окно.

— Запад, — сказал Коул и провёл пальцем по карте. —
До Тихого океана. Это прямая дорога. Мауи там.

— Через что? — Дана повела пальцем за его пальцем. —
Смотри. До Эль-Пасо девятьсот километров. Потом пусты-
ня. Нью-Мексико, Аризона. Финикс. Финикса больше нет.
Лос-Анджелеса нет. Что там, между ними, никто не знает.
Воды нет. Заправок нет. Если сломаемся посреди Аризоны,
мы там и останемся.

— И ветер, — сказал Тайлер. — На запад ехать против
ветра. Там всегда с запада на восток дует, высоко. Всё, что
поднялось над Финиксом и Лос-Анджелесом, несёт к нам.
Если ехать туда, мы поедем прямо в это.

Коул посмотрел на сына. Потом на карту. Восток был зе-
лёным. Реки, леса, маленькие города, побережье, изрезанное
заливами. На восток нужно было обогнуть Хьюстон, широ-
ко, с севера, и выйти к Луизиане.

— Корабли, — сказала Дана. — Если мы правда собира-
емся на Гавайи, нам нужно море. Не пустыня. Порты, лодки,

люди, которые знают, как плавать. Залив ближе всего. Из залива ходят суда. Через Панаму на ту сторону.

— Ходили, — сказал Коул.

— Значит, будем искать те, что ещё ходят, — сказала Дана. — Других вариантов у меня нет.

Коул смотрел на карту. Ему хотелось сказать «на запад». Запад был прямой линией, а он любил прямые линии, он всю жизнь прокладывал воздуховоды по кратчайшему пути. Но он видел пустыню. Он ездил через неё один раз, в двадцать два, на старом «Додже» без кондиционера, и помнил, как в Аризоне лопнул шланг радиатора и он четыре часа ждал на обочине, пока кто-нибудь остановится. Тогда остановились. Сейчас никто не остановится.

— На восток, — сказал он. — Через Сан-Антонио. Обойдём его по объездной, по тысяча шестьсот четвёртой, с севера. Дальше по десятой на Сегин. Посмотрим, что там.

Дана закрыла атлас.

Первые полчаса «Форд» шёл хорошо.

Коул ехал по шоссе восемьдесят седьмому, потом по межштатной десятой, на юго-восток, к Сан-Антонио. На межштатной было хуже, чем на окружающих дорогах: мёртвые машины стояли везде, по три, по пять, иногда целыми цепочками, там, где во вторник утром шёл плотный поток. Фуры, легковушки, автобус с туристами, перевёрнутый бензовоз на разделительной полосе, обгоревший до остова. На отбойнике у одной из машин сидели старик со старухой и смотре-

ли на «Форд», когда он проезжал мимо. Женщина подняла руку, не то помахала, не то попросила остановиться. Коул не остановился. Через километр Коул сказал: «Мы бы их не взяли. Места нет». Дана сказала: «Я знаю». Больше об этом не говорили.

Местами Коул съезжал на обочину, местами на разделительную полосу, по траве, где «Форд» раскачивался, как лодка, и вёдра с водой в кузове бились друг о друга. Шли медленно, тридцать, сорок километров в час. Впереди, над горизонтом, стоял дым Сан-Антонио, широкий, бурый, и чем ближе они подъезжали, тем выше он поднимался.

За Бурне, километрах в двадцати от окраин Сан-Антонио, двигатель кашлянул.

Коул почувствовал это раньше, чем услышал. Педаль газа на долю секунды провалилась в пустоту, потом снова пошла тяга. Мотор выровнялся. Коул не дышал. Ещё километр. Ещё раз кашлянул, сильнее, грузовик дёрнулся, Эмма на заднем сиденье ойкнула. Тяга пропала совсем, мотор работал, но вхолостую, и «Форд» катился по инерции, теряя скорость. Коул вжал газ. Мотор взвыл, захлебнулся и заглох.

Грузовик прокатился ещё метров двести и встал на обочине, у отбойника, под рекламным щитом, на котором загорелый мужчина с белыми зубами предлагал купить пикап в кредит под ноль процентов.

Тишина. Тиканье остывающего металла под капотом.

— Пап? — сказал Тайлер.

Коул повернул ключ. Подождал свечи. Повернул дальше. Стартер крутил, мотор не схватывал. Ещё раз. Ещё. На четвёртый раз Коул отпустил ключ и сидел, положив руки на руль, и смотрел на загорелого мужчину на щите.

— Это не импульс, — сказал он. — Он же всю дорогу ехал.

Он вылез и открыл капот.

Коул знал этот мотор так, как знал свой дом. Он менял на нём ремни, свечи накала, патрубки, однажды сам перебирал турбину на верстаке в сарае. Он знал, что у него слабые форсунки, как у всех моторов этой серии, и что насос подкачки топлива шумит уже с весны. Он знал это, и в июне записал себе в телефон: «Форд: насос подкачки, фильтр», и в июле записал ещё раз, и в августе заказал насос, и насос пришёл, и лежал в коробке на верстаке в сарае, в четырнадцати километрах от Фредериксбурга, потому что не было времени, потому что был сезон и все хотели кондиционеры, и Коул думал: в октябре, когда станет прохладнее.

Он отвинтил крышку фильтра. Солярка внутри была мутная. На дне колбы отстойника стояла вода, сантиметра два. Он слил её на асфальт. Поменял бы фильтр, если бы был фильтр. Фильтра не было. Он продул магистраль, как мог, ртом, через шланг, сплёвывая солярку. Прислушался к насосу, повернув ключ. Насос молчал. Коул постучал по нему ключом на четырнадцать. Иногда помогало. Насос молчал.

Он провозился сорок минут. Дана сидела в кабине и не за-

давала вопросов. Тайлер стоял рядом и подавал инструмент, не спрашивая, какой, и почти каждый раз угадывал. Эмма вылезла, села в тень щита на рюкзак и смотрела на дорогу.

Наконец Коул выпрямился, вытер руки ветошью и закрыл капот. Медленно, пока не щёлкнул замок.

— Насос, — сказал он. — Насос подкачки. Сдох.

— Ты можешь его починить? — спросила Дана из окна.

— Нет. Он новый лежит дома. На верстаке. С августа.

Дана посмотрела на него. Коул ждал, что она скажет. Она не сказала ничего, и это было хуже.

— Я откладывал, — сказал он. — Три месяца. Думал, в октябре.

— Коул.

— Я знаю.

— Коул, — повторила она. — Я не об этом. Что нам брать? Брать можно было только то, что унесёшь.

Они вытащили всё из кузова на обочину и разложили на асфальте, и Дана с блокнотом встала над кучей вещей и начала вычёркивать. Палатку взяли, Коул прикрутил её к своему рюкзаку ремнями. Спальники взяли, свернув туже, Тайлер и Дана повесили по одному снизу. Третий не влез никуда. Одежда остались. Горелку взяли, один баллон. Кастриюлю взяли, сковородку оставили. Аптечку Дана сложила в свой рюкзак, на самый верх. Еда из двух коробок поместилась в одну. Это было плохо: значит, и две коробки были полупустые.

Воду из вёдер разлили по бутылкам, по всем, что бы-

ли, и по фляге. Вышло четырнадцать литров. Остальное Коул оставил в вёдрах. Можно было выпить сейчас, напиться впрок. Они выпили, сколько смогли. Эмма пила, пока её не затошнило.

Солярка в канистрах была теперь не нужна. Тридцать литров солярки, которые три дня назад были самым ценным, что у них было. Коул оставил канистры у колеса.

Инструментальный ящик он открыл последним. Постоял над ним. Двадцать лет собирал. Ключи, головки, съёмники, манометры, тестер, вакуумный насос, паяльная лампа, обжимки, бухта медной трубки, которую он купил на прошлой неделе для объекта у пары из Остина. Он взял плоскогубцы, мультитул, небольшую монтировку, моток изоленты, моток проволоки и два ножа. Подумал и взял ещё ключ на четырнадцать. Закрыв ящик. Подумал ещё раз, открыл, взял фонарь. Закрыв и запер на замок, и ключ от замка положил в тот же кармашек для часов, где лежал ключ от дома.

Зачем, он бы не объяснил.

Рюкзаков было четыре. Коулу достался самый тяжёлый, с палаткой и водой. Тайлеру второй, с едой и «Зенитом». Дале аптечка, одежда, горелка, блокнот. Эмме одежда, её собственная, бутылка воды, ингалятор и книга про Шеклтона. Эмма взвесила рюкзак на руке и молча надела.

Винтовку Коул повесил на плечо.

Тайлеру было жарко.

Холодный фронт ушёл на второй день, и к пятнице сно-

ва пришла жара, обычная тexasская октябрьская жара, плюс двадцать девять в тени. Тени не было. Межштатная шла по открытой равнине, по холмам, поросшим сухой травой и колючими кустами мескита, и над асфальтом дрожал воздух. Рюкзак тянул плечи. Лямки резали. Тайлер подтянул их, стало хуже. Отпустил, рюкзак сполз и бил по пояснице при каждом шаге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.